

ЛИК САЛАВАТА

Салават Юлаев – национальный герой Башкортостана. Его именем названы целый город, сельский район, хоккейный клуб, улицы, проспекты. О нем и его повстанческой деятельности написаны монографии и художественные произведения, имеются сотни научных статей, журнальных и газетных публикаций. Однако многие из них грешат однобокостью, попытками подогнать исторический материал под современные их авторам концепции. Для авторов консервативно-охранительной направленности дореволюционного периода и современности он был и остается разбойником, посягнувшим на государственные устои. Для тех, кто придерживался более широких в философском отношении концепций, Салават был закономерным явлением сложного процесса интеграции национальных окраин, в частности Башкирии, в государственную систему Российской империи. Кинематограф создал художественный образ героя, сильно отличающийся от реальной исторической личности. Важнейшее, по выражению В. И. Ленина, искусство изображало его то беспощадным разорителем заводов и русских селений Урала («Пугачев», 1937 г.), то мятежником, осознавшим единство интересов башкир и русского крестьянства («Салават Юлаев», 1940 г.). Поэтому нас интересует вопрос, каким был Салават на самом деле? Почему именно он стал национальным героем башкирского народа? Почему из плеяды выдающихся вождей башкирских восстаний народ выбрал именно его?

Пугачевщина, по выражению А. С. Пушкина, была бессмысленным бунтом в том смысле, что она не могла иметь реальных последствий, например, отменить крепостное рабство, ввести конституцию и дать равные права всем подданным империи и т. п. Но ведь восставшие и не мыслили в подобных категориях. Воля, обещанная Пугачевым, истолковывалась каждой социальной прослойкой движения по-своему, и интересы казаков, башкир, крестьянства нередко были взаимоисключающими. Однако всеми без исключения двигало желание восстановить справедливость, которая понималась как возмездие за свои погрязшие права и человеческое достоинство. Повстанцы не думали о последствиях, а самые прозорливые из них вряд ли надеялись на успех своего дела. Их душевный настрой гениально описал А. С. Пушкин в своей «Капитанской дочке», вложив в уста Пугачева калмыцкую притчу о вороне и орле: «Однажды орел спрашивал у ворона: скажи, ворон-птица, отчего живешь ты на белом свете триста лет, а я всего-навсего только тридцать три года? – Оттого, батюшка, отвечал ему ворон, что ты пьешь живую кровь, а я питаюсь мертвечиной. Орел подумал: давай попробуем и мы питаться тем же. Хорошо. Полетели орел да ворон. Вот завидели палую лошадь; спустились и сели. Ворон стал

клевать, да похваливать. Орел клюнул раз, клюнул другой, махнул крылом и сказал ворону: нет, брат ворон; чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью, а там что бог даст!»¹

Писатель Филипп Нефедов² на примере отца Салавата, Юлая Азналина, описал настроения башкирской знати накануне восстания: «Юлай был вотчинник, человек богатый, умный и влиятельный; он пользовался общим уважением со стороны башкир и несколько раз кряду занимал, по выборам, должность волостного старшины. Местные власти относились к башкирскому старшине с доверием; недаром же Юлай участвовал в погоне за калмыками и ходил в Польшу усмирять польских конфедератов. В его преданности и верности русскому правительству не могло быть никакого сомнения. Вот почему, несмотря на смуты и преследования, Юлай удержался на своем месте и остался целым; этого мало: в 1768 г. Оренбургский губернатор, князь Путятин, сам назначает Юлая старшиною Башкирской команды. Но башкирский старшина в действительности далеко не был тем, чем он так искусно умел казаться. На глазах у Юлая пылали башкирские селения, разорялся край; у него самого купцом Твердышевым отнята земля под Симский завод и деревни. Истый башкир, горячо любивший родину, Юлай не мог оставаться равнодушным зрителем; он маскировал свои чувства, но в душе оставался недоволен и таил месть. От такого отца родился Салават...»³

¹ Пушкин А. С. *Капитанская дочка* // Полное собрание сочинений. В 17 т. Т. 8. Кн. 1. М.: Воскресенье, 1995. С. 353.

² Нефедов Филипп Диомидович (1838–1902) родился в Иваново-Вознесенске в семье мелкого предпринимателя из крепостных. В 1861 г., получив от графа Шереметьева «увольнительное свидетельство» от «временно-обязанного состояния», переехал в Москву и приписался к мещанскому сословию, где слушал лекции на историко-филологическом факультете Московского университета. Начал печататься с 1858 г., а с конца 60-х гг. его произведения начали выходить в «толстых» журналах, например, в «Отечественных записках». С 70-х гг. он совершает много поездок по России, в частности в Башкирию. В таких своих произведениях, как «Движение среди башкир перед Пугачевским бунтом: Салават, башкирский батыр», «На восточной окраине», «На кумысе», «Зигда», «Ушкуль» и др., писатель отразил быт и историческое прошлое башкирского народа.

³ Нефедов Ф. Д. *Движение среди башкир перед Пугачевским бунтом: Салават, башкирский батыр* // Башкирия в русской литературе в шести томах. Т. II (Предисловие, биографические справки, комментарии и библиография М. Г. Рахимкулова). Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1990. С. 86–87 (Впервые опубликовано в журнале «Русское богатство» в 1880 г., № 10).

Историк и краевед Р. Г. Игнатъев

Отец Салавата был старшиной Шайтан-Кудейской волости и главным старшиной всей Сибирской дороги Башкирии. У него, как писал Нефедов, действительно были давние счеты с Твердышевым. В 1760 г. по просьбе заводчика группа башкир названной волости во главе с сотником Юлаем Азналиным была вызвана провинциальной канцелярией в Уфу, где Твердышев заявил, что ему потребна часть их волостной земли. Башкиры не согласились ее продавать. В 1762 г. Юлая и его товарищей насильно привезли на Катав-Ивановский завод. Здесь им был зачитан уже указ губернской канцелярии с требованием немедленно заключить договор о продаже вотчины по реке Сим. Юлай был вынужден дать подписку о том, что прибудет в Оренбург для заключения сделки, но затем всячески оттягивал исполнение обязательства, данного по принуждению. Тогда Твердышев сумел договориться с отставным старшиной Шиганаем Бурчаковым, который подписал соответствующие документы в обход действующего главы волости. Это было грубейшим нарушением закона, так как договор был заключен вопреки воле большинства членов башкирской общины¹.

Как справедливо отмечал Филипп Нефедов, Юлай Азналин был участником преследования калмыков в 1771 г., когда около 150 тыс. калмыков сели на коней и стали прорываться на свою историческую родину в Джунгарию (Западная Монголия). Царское

¹ Гвоздикова И. М. Салават Юлаев. Исследование документальных источников. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1982. С. 185–186.

правительство решило остановить беглецов. Для этой цели оно привлекло казахского хана Нурали. Однако тот попросил в помощь башкир, из которых немедленно был сформирован 7-тысячный отряд. Едва они вернулись из погони домой, как тут же 3 тыс. воинов из их числа были командированы в Польшу, чтобы бороться с партизанскими отрядами польских войск Барской конфедерации. В этом походе Юлай Азналин был назначен командиром 6-й партии, состоявшей, как и все остальные (всего было 10 партий), из 300 всадников. В марте 1773 г. он вернулся домой, а в сентябре того же года в яицких степях появился некий человек, назвавшийся «чудесно спасшимся» императором Петром III.

Башкирские движения развивались по пути расширения своей социальной базы. Сначала, пока хватало собственных сил, происходили чисто национальные движения. Башкирские восстания 1633–1635, 1662–1664, 1667–1670, 1681–1684, 1704–1711 гг. закончились успехом. Последнее восстание особенно знаменательно тем, что стало ответом на губернскую реформу Петра I, подчинившую Башкирию властям вновь учрежденной Казанской губернии. Не сумев справиться с башкирами, царское правительство уже при следующем императоре Петре II пошло на уступки, переведя их в 1728 г. из ведомства казанских властей в непосредственное ведение Сената. Однако это было лишь временной отсрочкой насильственной и окончательной интеграции Башкирии в административную структуру Российской империи. В 1734 г. правительство приступило к реализации проекта Оренбургской экспедиции, целью которой было проникновение в страны Средней Азии и Индию, где уже хозяйничала английская Ост-Индская компания. Башкиры увидели в этих планах угрозу своей самостоятельности, и тогда началось восстание, в ходе которого против повстанцев сражались не только регулярная армия, но также отряды мишарских и «верных» башкирских старшин. Кроме того, в борьбе против восставших большую помощь оказывали ясачные татары и значительная часть сословной группы тептярей. Этим категориям населения, являвшимся арендаторами башкирских земель, правительство обещало освободить их от повиновения и зависимости от вотчинников. Итогом потерпевшего поражение башкирского восстания 1735–1740 гг. стало строительство на башкирских землях города Оренбурга, основание одноименной пограничной линии, а также учреждение новой административной единицы Российской империи – Оренбургской губернии, в состав которой вошла вся Башкирия. Именно поэтому следующее башкирское восстание 1755 г. уже шло под мусульманскими лозунгами. Однако расчет организаторов объединить идей панисламизма всех мусульман башкирского и небашкирского происхождения не оправдался. Когда против восставших

башкир была брошена многочисленная регулярная армия, мишари, ясачные и служилые татары, а также казахи приняли активное участие в подавлении восстания.

Писатель Ф. Д. Нефедов

В 1771 г. на Яике начались волнения казаков, вызванные наступлением правительства на старые казачьи вольности. Они отказались идти в погоню за калмыками, за что 43 чел. были арестованы. В 1772 г. в Яицком войске вспыхнуло уже настоящее восстание. Мятежники были разбиты отрядами генерал-майора Ф. Ю. Фреймана. Пушкин писал: «...Зачинщики бунта наказаны были кнутом; около ста сорока человек сослано в Сибирь; другие отданы в солдаты; остальные прощены и приведены ко вторичной присяге. Сии строгие и необходимые меры восстановили наружный порядок; но спокойствие было ненадежно. “То ли еще будет!” говорили прощенные мятежники: “так ли мы тряхнем Москвою”. – Казаки все еще были разделены на две стороны: согласную и несогласную (...). Тайные совещания происходили по степным уметам и отдаленным хуторам. Все предвещало новый мятеж. Недоставало предводителя. Предводитель сыскался»¹.

Появление осенью 1773 г. в яицких степях человека, назвавшегося «чудесно спасшимся» императором Петром III, открыло возможности для небывалого доселе расширения социальной базы антиправительственного восстания, которое стало возможным благодаря неожиданно возникшему совпадению интересов яицких казаков и башкир. Секретарь пугачевской Военной коллегии, дворянин по происхождению, Алексей Дубровский на допросе показывал: «Во всем возмущении и начатии дела состоят

¹ Пушкин А. С. *История Пугачева // Полное собрание сочинений. В 17 т. Т. 9. Кн. 1. М.: Воскресенье, 1995. С. 12.*

причиною яицкие казаки, которые, сообщась заедино думою с башкирцами, хотели отменить учиненную якобы им обиду от бояр...»¹ В поимке Пугачева власти решили использовать башкир. Так было всегда: если бунтовали башкиры, против них отправляли казаков, если казаки – посылали башкир. И вот впервые в истории они решили, что хватит быть слепым орудием в руках правительства, что пора объединиться во имя достижения общей цели – вольного Яика и свободной Башкирии.

Правительство мобилизовало около 5 тыс. башкир, которых с лихвой хватило бы, чтобы задушить Пугачевщину в зародыше. Однако они без раздумий стали переходить на сторону восстания. Среди них был еще никому не известный воин Салават Юлаев. Мы не знаем, как он выглядел в жизни. Его зрительный образ в массовом сознании ассоциируется с актером Арсланом Мубаряковым, сыгравшим роль Салавата в картине режиссера Якова Протазанова. Однако то, каким показан он в фильме, не совсем соответствует действительности. Во-первых, настоящий Салават был значительно моложе: в 1773 г. ему было всего лишь 19 лет². Во-вторых, являясь сыном старшины, он должен был иметь соответствующую экипировку: тяжелую кольчугу, латы и шлем, а из вооружения: саблю, пику, лук со стрелами, а также турку, т. е. мушкет восточного производства, которыми обладали все знатные башкиры³.

Между тем нас интересует, что именно привело Салавата в ряды повстанцев: общая стихия мятежа, охватившая Южный Урал, или сознательный порыв встать на защиту прав своего народа? К сожалению, архивные документы, отражающие факты биографии Салавата, не могут дать ответы на эти вопросы, так же как не могут составить личностный портрет героя. Поэтому едва ли не единственным источником по данному вопросу являются работы краеведов Руфа Игнатьева и Филиппа Нефедова, писавших, что называется, по горячим следам Пугачевщины, когда были живы, если не сами ее участники, то, по крайней мере, их ближайшие потомки. В записанных ими преданиях Салават изображается не только отважным воином, но и религиозным человеком, подвижником ислама и вдохновенным поэтом. Народное воображение создало идеальный образ героя, который неизбежно должен отличаться от реального Салавата. Однако эта особенность агиографического жанра не перечеркивает самого факта «святости»

¹ Таймасов С. У. *Восстание 1773–1774 гг. в Башкортостане*. Уфа: Китап, 2000. С. 33–34; *Пугачевщина. Из следственных материалов и официальной переписки*. Т. 2. М.–Л.: Госиздат, 1929. Док. № 72.

² В «Описи» данных о Салавате и Юлае, составленной Уфимской провинциальной канцелярией 2 октября 1775 г., сообщается, что Салавату в тот момент был 21 год (См.: Гвоздиков И. М. Указ. соч. С. 181).

³ В Польский поход Юлай Азналин выступил, имея при себе 8 лошадей, турку, лук, саблю и копье (См.: *Башкирское войско в польском походе (1771–1773)*. Сборник документов / Сост. И. М. Гвоздиков, Б. А. Азнабаев, К. А. Мухамедьяров. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2009. С. 100).

подвижника, которая и стала причиной появления данной житийной традиции. Каким же предстает Салават в народном воображении?

Режиссер Я. А. Протазанов

Писатель Филипп Нефедов писал: «Салавату исполнилось шестнадцать лет. Несмотря на свой невысокий рост, он обладал громадной физической силой; от всей его фигуры с широкими плечами веяло чем-то могучим и обаятельным, а в черных, задумчивых глазах светились ум и энергия. По силе ловкости и умению владеть оружием не было равного Салавату. Он первый джигит; ему нет соперника в единоборстве; он пойдет один на медведя и притащит убитого зверя на спине домой. А во время празднования сабантуя кто обгонит всех товарищей, раньше других прискачет в аул и в награду за удаль получит шелковый платок из рук первой красавицы? Салават! Сила в нем проявилась очень рано. Народная песня так говорит: “Сколько лет Салавату? На голове его зеленая шапка: он батыр. Но если хочешь знать о годах Салавата, то ему всего четырнадцать”¹. Но Салават – представитель не одной грубой физической силы. Он –

¹ В другом варианте башкирской народной песни «Салават» поется:

*Салауат, нисә йәшендә,
Йәшел камсат бәрке башында.
Булгадир булган, ай, Салауат*

ученый и поэт. Он знает коран и шеригат, перед юношей почтительно склоняют головы старики, о нем все говорят, и начитанности его удивляются не только муллы, но даже сами ахуны»¹.

Салават действительно был поэтом. К сожалению, оригиналы его стихов не дошли до нашего времени. Они были сохранены лишь в виде русских подстрочных переводов, включенных в произведения историка и краеведа Руфа Игнатьева², писателя Филиппа Нефедова и др. В свою очередь, названные авторы получили подстрочники стихов Салавата от Абдуллы Давлетшина – подполковника, дворянина и бывшего начальника I кантона Башкирского войска³. Неслучайно, Р. Г. Игнатьев указывал, что автором переводов был «покойный г. Давлетчин»⁴. По всей вероятности, он же поделился своими материалами и с Ф. Д. Нефедовым, который включил некоторые произведения Салавата в свой очерк. Стихотворение «Зулейха» свидетельствует о том, что любовная лирика не была чужда сердцу сурового воина:

*Зулейха, несказанно люблю я тебя,
Растерял все слова, погибаю, любя.
Мой бессилен язык, чтобы песни слагать, –
Ни словами сказать, ни пером написать!*⁵

Нефедов писал: «Семнадцати лет Салават женился. За первой женой скоро в дом

Егерме лә ике йәшендә.

*Сколько лет Салавату?
Зеленая выдровая шапка на его голове.
Бригадиром стал, ай, Салават
В двадцать два года.*

¹ Нефедов Ф. Д. Указ. соч. С. 88.

² Игнатьев Руф Гаврилович (1818–1886) родился в семье мелкопоместных дворян Московской губернии. Окончил Лазаревский институт восточных языков и Парижскую консерваторию. Служил почтмейстером в Новгородской губернии, но в 1854 г. за недостачу казенных денег был разжалован и отдан в солдаты на Оренбургскую линию. В 1858 г. вышел в отставку и остался жить на Южном Урале, где активно занимался историей, этнографией, фольклористикой, археологией. Жил в Верхнеуральске, Уфе и Оренбурге. Был автором более 500 работ.

³ Абдулла Давлетшин сначала служил имамом и ахуном Башкиро-мещеряцкого войска, а в 1839 г., перейдя на военную службу, участвовал в Хивинском походе генерал-губернатора В. Перовского. Он был знаком с В. Далем и учил его тюркскому языку. По всей видимости, именно Давлетшин знакомил лексикографа с фольклором башкир. В результате такого общения были написаны несколько произведений на башкирскую тематику, в том числе «Башкирская русалка», в основу которого лег сюжет башкирского эпоса «Зая-Туляк и Хыухылу».

⁴ Саитбатталов И. Р. Лингвокультурологический анализ произведений В. И. Даля о Башкортостане (на материале рассказа «Башкирская русалка»). Дисс. к. филол. н. Уфа, 2013. С. 85.

⁵ Зулейха // Бөйөк Салават. Великий Салават / Төз. Ғәлим Хисамов. Өфө: Китап, 2014. С. 38.

вошла и другая. Обе жены к концу первого же года подарили ему по сыну. Салават любит своих жен и малюток. Он доволен и счастлив...» Как следует из исследования И. М. Гвоздиковой, в 19 лет у Салавата было три жены и несколько детей¹. Сам он в феврале 1775 г. в Тайной экспедиции Сената показывал: «...три жены его и два сына взяты в плен, и где находятся ныне, – не знает»². Семья старшины была зажиточной: когда в 1774 г. дом Юлая был разграблен отрядом подполковника Н. Я. Аршеневского, там было взято 630 рублей серебром, три лисьих меха на 36 рублей и 50 лошадей, не считая коров и мелкого скота³. И это без учета тех денег и лошадей, которые были у отца и сына, находившихся в это время в походе, т. е. на театре боевых действий.

Нефедов был близко знаком со стихами Салавата, которые он приводит в прозаическом переводе: «Тихая ночь. В перелеске поет соловей. Дивная песня! (...). Хор птичек славит бога с утра до зари; но соловей и днем поет и ночью. Значит, соловей больше всех славит бога». Эти строки говорят о духовных переживаниях, которые терзали душу будущего батыра: мир создан для поклонения Всевышнему, но достаточно ли он поклоняется Ему, если даже убогая птаха, поющая славу Аллаху днем и ночью, превосходит его в поклонении Всевышнему? Ранняя любовная лирика Салавата сменяется мыслями о Боге, чье незримое присутствие Салават постоянно ощущает:

*В перелеске тихой ночью
Соловей поет вовсю –
Славить Бога ли он хочет,
Воспевает ли красу?*

*Я велел откинуть полог
Коша, и всю ночь
Слушал соловьиный голос,
Дрожь не в силах превозмочь.*

*День и ночь поет та птаха,
Оглушая и слепя.
Значит, славит он Аллаха,*

¹ Гвоздикова И. М. Указ. соч. С. 188–189.

² Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. Сборник документов / Сост. Р. В. Овчинников, И. М. Гвоздикова, А. П. Николаенко. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1975. С. 302.

³ Там же. С. 304.

*Не щадя себя*¹.

Образ соловья – один из любимых в суфийской поэзии. Он символизирует суфия, взыскующего и прославляющего Бога. Шамс ад-Дин Тебризи² писал: «Бедный соловей, как он страдает! Он вздыхает при виде розы»³. Роза в данной аллегории – сам Бог. Суфийский поэт Ходжа-Ахмед Ясави⁴ также использовал этот образ в своих «Хикметах»: «Чудесную птицу (т. е. соловья. – *авт.*) Всевышний наградил знанием тысячи языков. На всех языках она просит Создателя дать ее хозяину благоденствие во всех мирах. Не устает повторять эту просьбу ни днем, ни ночью»⁵. Здесь соловей символизирует душу суфия, которая просит Бога за своего хозяина, т. е. за самого суфия. В тарикате Ясавийа практиковались зикры, удивлявшие членов ордена Накшбандийа странными фигурами умолчания. Когда последние спросили у последователей шейха Ясави, почему в их зикрах не упоминается имя Аллаха⁶, те ответили стихом: «Каждое утро соловьи (т. е. суфии. – *авт.*) поют Тебе (т. е. Богу. – *авт.*) на свой лад»⁷. Таким образом, в своем стихотворении Салават Юлаев использует известный символ, сравнивая свою душу с соловьем, что показывает его знакомство с суфийской поэзией.

Однако сердце батыра требует активных действий, и вот сквозь его квиетизм прорываются «души прекрасные порывы», посвященные Отчизне. Снова слово Нефедову: «Недолго, однако, Салавату пришлось наслаждаться счастьем домашней жизни. Семья, природа и поэзия не могли наполнить всего существования юноши. Мысль о неверных, мысль об освобождении родины не давала ему покоя и звала его на дело, манила на подвиг. Освободить родину! Сколько чарующего было в этой мысли; но выступить борцом за ее осуществление мог только поэт, каким был Салават. В своем религиозно-поэтическом настроении он уже не раз слышал голос самого бога, повелевавшего ему восстать на врагов и освободить народ...»⁸

¹ Соловей // Шафиков Г. Г. *Формула Канта. Стихи, поэмы, переводы.* Уфа: Китап, 1996. С. 205–206.

² Шамс ад-Дин Тебризи (ок. 1185–1248) – странствующий дервиш, ставший наставником (муршидом) для выдающегося суфийского поэта Джалал ад-Дина Руми (1207–1273).

³ Степанянц М. Т. *Исламский мистицизм.* М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2002. С. 180.

⁴ Ходжа Ахмед Ясави (1103–1166) – суфийский шейх и поэт тюркского происхождения. Эпоним суфийского братства Ясавийа.

⁵ Ходжа Ахмед Ясави. *Хикметы / Общ. ред. и предисл. М. Х. Абусеитовой.* Алматы: Дайк-Пресс, 2004. С. 111.

⁶ В братстве Ясавийа практиковался громкий зикр «пилы», представленный псевдословами «хи-хи» или «хувв-ху», которые являются эфемизмами имени Аллаха: хува (هو) в переводе с арабского значит 'Он', т. е. Бог.

⁷ Хисматуллин А. А. *Суфийская ритуальная практика (на примере братства Накшбандийа).* СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. С. 77.

⁸ Нефедов Ф. Д. *Указ. соч.* С. 90.

*В ласточку стрела попала –
Птаха, рухнув на лету,
Вниз к ногам моим упала,
Не на радость – на беду.*

*Лучше бы стрела уплыла
За речные берега;
Чем бить ласточку навывлет,
Лучше б я убил врага¹.*

Филипп Нефедов вкладывает в уста Салавата слова, являющиеся результатом литературного творчества, но верно отражающие лейтмотив народных песен, в которых он предстает в образе избранника Бога: «Отец, я опять слышал голос Аллаха, – говорил Салават отцу, когда оба они уходили далеко в степь и оставались вдвоем. – Нельзя медлить ... пора!»²

Тема Божьего призыва и долга воина перед Всевышним проходит красной нитью через всю лирику воина-поэта. Настоящий воин должен иметь храбрость, чтобы следовать повелению Всевышнего и выступить на защиту родины. Это его религиозный долг, который не подлежит обсуждению. Только в священной войне реализуется его вера. Вероятно, именно этими установками объясняется удивительная неустранимость и непримиримость, с которыми сражался Салават Юлаев.

*Высоко летает ворон,
Сокол реет еще выше;
Только беркута просторы —
В синеве небесной крыши.*

*Далеко тебе, о воин
Юный, до того орла.
Но крепись, готовясь к бою
Устремляясь на врага!*

В помощь призови Аллаха,

¹ Стрела // Шафиков Г. Г. *Формула Канта*. С. 205.

² Нефедов Ф. Д. *Указ. соч.* С. 90.

*Гордый дух свой укрепи,
Вихрем в битву рвись без страха
По распахнутой степи!*¹

9 ноября башкирский отряд, состоявший из 1 300 всадников, у деревни Биккулово, что находилась в 60 километрах от ставки Пугачева, перешел на сторону повстанцев. Командир отряда капитан князь Ураков бежал. Среди присоединившихся к Пугачеву был старшинский сын Салават Юлаев и 95 башкир-кудейцев, ведомых им. В повстанческом лагере, который располагался под Оренбургом в селе Берда, он нашел большое число своих соплеменников. Пугачев во время первого допроса заявил, что в октябре 1773 г. под его рукой было 27 тыс. башкир, что было явным преувеличением. Но в том, что их было много, нет сомнений: историк П. И. Рычков, переживший полугодовую осаду города, писал о 1 400 яицких и илецких казаках, 700 ставропольских калмыках, 3 000 солдатах, оренбургских казаках, заводских крестьянах, татарах и 5 000 башкирах. Когда 14 ноября губернатор Рейнсдорп, запертый в Оренбурге, отправил на вылазку отряд в 2 400 солдат при 22 пушках под командованием генерал-майора Валленстерна, его встретила многочисленная башкирская конница, загнавшая их, выстроенных в батальонное каре, обратно в город. П. И. Рычков вспоминал: «...от стремившихся к городу злодеев и сделалась с ними ружейная перестрелка и ручной бой копьями».

И. М. Гвоздиковая заключает: «Можно с уверенностью сказать, что именно в этом сражении впервые отличился тогда еще мало кому известный башкир Салават Юлаев»². Уже находясь под следствием, он показывал, что в ходе сражения получил две раны: «в левую щоку под левым ухом, да в правую руку; кололи его и в спину, но только, побывшим тогда на нем калчугам, большего вреда и ран ему не зделали»³. Таким образом, предположение историка более чем вероятно: в середине декабря он появляется на своей родине – Сибирской дороге Башкирии – в чине полковника. Пожалование 19-летнему юнцу столь высокого чина является наглядным подтверждением его предыдущих боевых заслуг.

¹ Джигиту // Шафиков Г. Г. *Формула Канта*. С. 206.

² Гвоздиковая И. М. *Указ. соч.* С. 128.

³ *Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии*. С. 301.

Историк И. М. Гвоздикова

Стихи Салавата проникнуты мыслью о Божьей мудрости, благодаря которой был создан этот прекрасный мир. Поэт любит красоту своей родины, как совершеннейшей из картин. Хотя Художник, нарисовавший ее, невидим, все же Он хорошо узнаваем, благодаря неземному мастерству своей кисти. Не потому ли для башкира природа никогда не являлась объектом эксплуатации и коммерческого оборота. Она бесценна и самоценна сама по себе, как храм, восхищающий глаз красотой форм. Ислам не только не противоречил этому древнему взгляду на окружающий мир, но удивительным образом дополнял и санкционировал подобное мировидение. Вероятно, именно этим объясняется то, что вхождение башкир в осевое время и, соответственно, в исторический процесс посредством принятия ислама, произошло добровольно, а не по принуждению. Неслучайно, в их мировоззрении мирно уживаются элементы доосевой и осевой культур, мифологического и рационально-философского сознания.

Как показал Б. А. Азнабаев, мифологизация пространства и сакрализация его объектов являются основой башкирской идентичности, так как определение этноса включает в себя не только признание общности происхождения и языка, но и комплекс обычаев, а также уклад жизни, хранимые и освященные традицией и отличающие его от других¹. Урал для древнего башкира – это не только родина, но и пуп Земли, центр мироздания. Согласно эпосу «Урал-батыр», именно здесь спаслись люди во время всемирного потопа, устроенного дивами и Шульгеном – братом и антиподом Урала, и отсюда расселились по всей ойкумене. Родная земля была живым существом, которое обессмертил Урал-батыр, опрыснув живой водой. Как писал П. И. Рычков, башкирский

¹ Азнабаев Б. А. *Башкирское общество в XVII–первой трети XVIII вв.* Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. С. 150–151.

народ «ничего столь не уважает и не бережет, как старинные свои вотчинные земли»¹, так как «почитая их собственными (...) своими вотчинами, нередко за них бунтовали и умирали»². Слово «вотчина» происходит от слова «отец», чем декларируется тот непреложный факт, что земля досталась башкирам от праотцов, а им – от Бога, но только не в результате купли-продажи или пожалования.

Как писал Б. А. Азнабаев, ученый-энциклопедист и путешественник XVIII в. Петер Симон Паллас отметил наличие у башкир «сложной системы локальных мифов»³. Однако, слово самому визитеру: «Множество прилагательных речений, коими башкирцы большие и малые горы, все ручьи и малейшие протоки, долины, частные рощицы, и все прочие урочища отличают, можно принять за доказательство о древности их в сих местах поселения»⁴. Лексикограф и этнограф В. И. Даль повествует в том же духе: «Леса, дебри, горы, воды и пещеры населены лешими, водяными, русалками, известными под именем джин, дух; каждую горою, каждым озером обладает такой джин, добрый или злой; но все это рассказывает вам башкир стихами или напевает, вторя чебизге, или кураю, в прошлом времени»⁵. В любом районе Башкирии и сегодня найдется какой-нибудь «святой источник» («изге шишмә»), а в горах Урала покажут даже могилу мифического Урал-батыра. Поэтому далеко не случайна болезненная реакция башкирского общества на планы промышленной разработки «священной» горы Тора-тау. Сакрализация территории свидетельствует о том, что этническое начало народа еще не заострено и питается соками своей земли.

Ислам, установившийся в Башкирии благодаря миссионерской деятельности суфийских тарикатов и потому ориентированный на суфийские идеалы, во многом звучал в унисон мировоззрению ее населения, но с иной, теологической точки зрения: джинны, духи природных объектов, отныне подчинялись воле Аллаха и его святым угодникам (аулия), могилы которых также становились объектами сакрализации. Р. Г. Игнатъев писал о горе Ауш-тау: «...Ауш слывет святою горою и привлекает к себе немало богомольцев из окрестных магометан. На вершине горы видны три могилы, из которых одну предание приписывает какому-то Харзаману, почитаемому святым (аблия), а другие два его двум ученикам, имена которых неизвестны, но они тоже святые: все трое,

¹ Рычков П. И. *Топография Оренбургская*. Ч. II. СПб., 1762. С. 225–226.

² Асфандияров А. З. *Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI–первая половина XIX в.)*. Уфа: Китап, 2006. С. 25.

³ Азнабаев Б. А. *Указ. соч.* С. 151.

⁴ Паллас П. С. *Путешествие по разным местам Российского государства*. Ч. II. Кн. 1. 1770 год. СПб.: Имп. Академия наук, 1786. С. 80.

⁵ Даль В. И. *Башкирская русалка // Башкирия в русской литературе в шести томах. Т. I (Предисловие, биографические справки, комментарии и библиография М. Г. Рахимкулова)*. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1989. С. 173.

по сказаниям местных башкир, во времена древние проповедовали закон великого Мухамета людям неверным (...). Башкиры верят преданию, что и кроме могилы Харзамана во многих местах по вершинам Уральских гор есть могилы святых и все они проповедовали Коран во времена древние, что все они были великие имамы...»¹ Башкирский обычай хоронить выдающихся мусульманских проповедников на вершинах гор, без сомнения, является пережитком культа гор.

Таким образом, земля, а тем более родная земля, священна как с точки зрения башкирской мифологии, так и с позиций суфизма, ибо она создана Всевышним. Каждая гора, дерево, травинка и все творения в целом являются результатом истечения божественного света. Утверждая это, суфии опирались на аяты Корана: «Аллаху принадлежат восток и запад. Куда бы вы ни повернулись, там будет Лик Аллаха» (сура «Корова»). За это сторонники сугубо нормативного ислама упрекали их в пантеизме, т. е. обожествлении природы, что, конечно же, неверно, поскольку сакрализация пространства и поклонение Богу не одно и то же.

*Мой Урал, небесный свод,
Воды сладкие как мед;
Мои доли и леса,
Родины моей краса,
Переливы светлых рек,
Весь я с вами слит навек.
Я гляжу на цепи гор
В нашем благостном краю,
И, вбирая их простор,
Божью милость познаю.
На вершинах серебром
Снег сияет при луне;
Золотеют они днем
В ярком солнечном огне.
А вокруг дремучий бор
Обволакивает взор;
Стелется плакун-трава,
Словно вышитый ковер.*

¹ Игнатъев Р. Г. Гора Аушкуль // Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / Отв. ред. В. А. Лабузов: сост. М. И. Роднов. Т. I: 1859–1866 гг. Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2011. С. 97–98.

*Песней небо расколось –
Соловей поет в долу;
Как азан, звенит тот голос,
Богу вознося хвалу.
Не зовет ли на молитву
Верных мусульман?
Провожает меня в битву,
Мой Урал, родимый стан¹.*

Согласно суфийскому учению, здешний мир - результат нисхождения божественного света, а местом Богопознания является человек. Как пишет И. Р. Насыров, «“священное” высказывание (хадис кудсийй) (высказывание, входящее в свод хадисов, но считающееся словами Аллаха, а не пророка Мухаммеда) “Меня (Бога) не вмещают земля и небеса, а вмещает сердце Моего правоверного раба” как нельзя лучше подходит для обоснования Ибн ‘Араби² своего тезиса о человеке как месте самопознания Бога»³. Поэтому мир не может быть чем-то чуждым Богу, а тем более творением «князя мира сего», т. е. дьявола, как это утверждалось в мироотрицающих доктринах манихеев, катаров, богомилов, хлыстов и других. Если бы это было действительно так, то в Коране не утверждалось бы, что «к Нему (т. е. Богу) возвращается всё» – и люди, и все объекты видимого мира. Как в физической теории Большого взрыва, мироздание возникает из одной точки (Бога) и со временем соберется в нее обратно. Поэтому главными темами в творчестве Салавата Юлаева являются воспевание величия Аллаха и Его творения – храма природы. Отсюда его патриотический пафос защиты Урала от посягательств дельцов, оскверняющих этот храм: заводчиков, скупщиков земли, продажных старшин. Судьба джигита – в руках родины, а судьба родины – в руках джигита. Задыхаясь от избытка чувств, Салават посвящает родному Уралу свой бесконечный поэтический зикр:

*Ах, Урал мой благодатный,
Про тебя моя
Песня долго не споется,
Слов не находя.*

¹ Урал // Шафиков Г. Г. *Формула Канта*. С. 204–205.

² Мухйя ад-Дин Абу ‘Абдуллах Мухаммал ибн ‘Али (1165–1240), известный как Ибн ‘Араби–исламский мыслитель и богослов, крупнейший теоретик суфизма. Автор доктрины «вахдат ал-вуджуд» («единство бытия»).

³ Насыров И. Р. *Основания исламского мистицизма (генезис и эволюция)*. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 418.

Как тебя, Урал мой, славить,

Как тебя воспеть;

Видно песня эта будет

Песней без конца...¹

Получив звание полковника, Салават Юлаев отправляется из лагеря Пугачева на свою родину – Сибирскую дорогу Башкирии. Здесь он в короткие сроки собирает большой отряд и, двигаясь на север, 12 января 1774 г. без боя захватывает Красноуфимскую крепость. Забрав в свое войско красноуфимских казаков и 4 пушки, он отправляется к столице Пермского края городу Кунгуру², который с декабря 1773 г. находился в осаде от местных башкир рода Гайна. Наконец, 19 января 1774 г. к Кунгуру прибывает Салават Юлаев и берет все повстанческие силы, полмесяца безуспешно осаждавшие крепость, под свое командование. Одновременно к городу с отрядом казаков приезжает пугачевский эмиссар Иван Кузнецов³.

23 января 1774 г. повстанцы предприняли генеральный штурм Кунгура. Во главе 3-тысячного башкирского войска при 10 пушках Салават атакует город с севера. Табынский казак Иван Кузнецов с одной тысячей крестьян и казаков при 6 пушках наступает с юга. В одном месте салаватовцам удалось пробить брешь в крепостной стене и ворваться в город. Однако развить успех не получилось, и атака была отбита. Ведущий режиссер немого кино Яков Протазанов в своем фильме «Салават Юлаев» (1940 г.) изобразил Ивана Кузнецова не только другом, но даже тестем Салавата Юлаева: последний, якобы, женился на его дочери Оксане. На самом деле, этих пугачевских командиров ничего не связывало, кроме службы. Дружбы между ними не было вовсе, тем более не было матримониальных отношений, а соперничество между ними не способствовало успеху дела.

На следующий день Салават повторил атаку, но его не поддержал Кузнецов. Получив серьезное ранение, Салават отбыл для излечения домой. 26 января произошла обратная картина: Кузнецов идет на штурм, но башкиры отказываются ему помогать. Ничего не добившись, пугачевский эмиссар уезжает обратно под Уфу, а башкиры продолжают осаду Кунгура. Но перед этим, вымещая свою досаду за неудачи, Кузнецов

¹ *Игнатъев Р. Г. Башкир Салават, пугачевский бригадир, певец и импровизатор // Башкирия в русской литературе в шести томах. Т. II. С. 283.*

² *Кунгур был основан в 1622 г. на землях башкир улуса Гайна. В 1662 г. он был взят восставшими башкирами и разорен.*

³ *Иван Кузнецов – табынский казак. Повстанческое звание – бригадир. В январе 1774 г. участвовал в осаде Кунгура. В феврале 1774 г. прибыл на запад Башкирии для оказания помощи башкирскому полковнику Караню Муратову и атаману Василию Торнову-Персиянинову. Погиб в бою под Бакалами.*

арестовывает полковника Канзафара Усаева¹, обвинив его во внесудебных расправах над пленными офицерами после взятия Ачитской крепости.

К началу 1774 г. на территории исторической Башкирии сложилось несколько повстанческих районов: Уфимский, Мензелинский, Челябинский, Кунгурский во главе со своими командирами. Вопреки устойчивому штампу, Салават не был вождем всей Башкирии. Он был лишь главным предводителем повстанцев Кунгурского уезда и Сибирской дороги Башкирии. Однако только ему было суждено стать национальным героем. В память о днях кунгурской осады крестьяне русских селений Пермского края сочинили песню:

*Салават наш был герой,
Смело он ходил на бой,
Три кольчуги надевал,
И к Кунгуру подступал (...).
Сорок пушек заряжал (...).
Да в Кунгур-крепость стрелял (...)².*

Осада Кунгура, впрочем, как и осада других городов: Оренбурга, Уфы и Мензелинска, закончилась неудачей, что неудивительно. Казаки и башкиры были отличными кавалеристами и мастерами степной войны. Но крепостей брать они не умели. Именно под стенами названных городов восстание потеряло свой темп. Тем временем правительство оправилось от шока, вызванного разгромом карательной экспедиции генерал-майора В. А. Кара, и организовало новое наступление. Подтянув войска к границам Башкирии, новый главнокомандующий генерал-аншеф А. И. Бибиков отдает приказ об одновременном наступлении на разных направлениях. Генерал Голицын двигался к Оренбургу, полковник Бибиков – к Мензелинску, подполковник Михельсон – к Уфе. К Красноуфимску, все еще находившемуся в руках Салавата, был отправлен подполковник А. В. Папав.

14 марта Салават-батыр, имевший под своим командованием 3 тыс. воинов, атаковал правительственный отряд и обратил в бегство кавалерию противника. «Злодеи, всеми силами наступая, понудили нашу конницу к ретираде, из которой, по

¹ Канзафар Усаев – мишарский сотник из аула Бузовъяз нынешнего Кармаскалинского района РБ. Сподвижник Салавата Юлаева и Караная Муратова. Повстанческое звание – бригадир. Разделил участь Салавата: после поимки был приговорен к пожизненной каторге в Рогервике, где и умер в 1804 г.

² Виктор Сидоров. Салават Юлаев. О башкире-певце и отважном бойце. Книга о Салавате Юлаеве. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1983. С. 84.

несметельству, задние скакали прямо на пехоту...», – писал в рапорте подполковник Папав. Однако стойкость пехоты и огонь артиллерии вскоре сделали свое дело: «Злодеи, видя наш фронт идущий, остановясь, стреляли из ружей и луков и, наконец, стали помалу мешаться, клонясь к ретираде»¹. 17 марта у деревни Бугалыш произошло новое сражение, начавшееся с перестрелки противоборствующих сторон: пушки Папава стреляли, но «не могли довольно наносить вреда: или высоко брали, или перед ними в снег били», а «злодеи изретка стреляли из ружей, а сильно из стрел, однако мало вредили». С обеих сторон были убитые и раненные. Но когда в бой пошла регулярная пехота, поддержанная с флангов кавалерией, отряд повстанцев, состоявший из полутора тысяч «иноверцев» и ста «русских», начал отступление. Папав писал: «Предводитель был башкирец, называемый полковник Салават Юлаев, которой (...) хотя и старался о собрании прежних сил, однако ж, не успел...»² Красноуфимск был занят правительственными войсками.

В сражениях под Кунгуром и Красноуфимском Салават Юлаев показал себя отважным воином и хорошим командиром. Пытаясь компенсировать преимущество правительственных войск в огневой мощи и тактике ведения боя, он проявлял смекалку, устраивая засады и используя маневренность своей конницы. Однако что могли противопоставить лихие бунтовщики подразделениям лучшей армии Европы? Только свою смелость и боевой дух, которого хватило еще на целый год неравной и заранее обреченной на поражение войны.

*Славят в песнях все сзэны
Меч уральский наш,
Гром копытный дерзновенный,
Звон победных чаш!
Храбро пой, курай, как беркут,
Ветерок согрей,
Пусть в сказаниях не меркнут
Дни богатырей.
О, башкирское бесстрашье!
Стрелы, мчась от нас,
Пробивали сердце вражье,
Как драконий глаз.
Храбро пой, курай, как беркут,*

¹ Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 104–105.

² Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 108–110.

*Ветерок согрей,
Пусть в сказаниях не меркнет
Слава богатырей¹.*

22 марта 1774 г. недалеко от Оренбурга генерал-майор П. М. Голицын разбил «Главную армию» Пугачева. Самозванного царя от пленения спасло только то, что атаман Кинзя Арсланов² увел его вглубь Башкирии, и потухшее было восстание вспыхнуло с новой силой. Пушкин писал: «Башкирцы не унялись. Старый их мятежник Юлай, скрывшийся во время казней 1741 г., явился между ими с сыном своим Салаватом. Вся Башкирия восстала, и бедствие разгорелось с вящей силой...»³

Салават Юлаев. Рис. Ф. Ф. Ислахова

Тем временем из Уфы наперерез к Пугачеву ускоренным маршем двигался корпус И. И. Михельсона⁴. Шесть царских генералов – Фрейман, Деколонг, Станиславский, Ларионов, Голицын и Рейнсдорп – расписались в бессилии настигнуть самозванца. Лишь

¹ Салават Юлаев. Полет орла: стихи, песни / Пер. с башкирского Л. Насибуллиной и С. Макарова. СПб.: Изд-во «Петербург – XXI век», 2003. С. 87.

² Кинзя Арсланов – башкирский старшина Бушман-Кыпчацкой волости, сын батыра и тархана Арслана Аккулова, участника башкирского восстания 1704–1711 гг. Главный полковник и командир башкирской конницы «Главной армии» Пугачева, член Военной коллегии. Жил в ауле Кинья-Абыз нынешнего Куюргазинского района РБ. Пропал без вести во время похода армии Пугачева в Нижнее Поволжье.

³ Пушкин А. С. История Пугачева. С. 55.

⁴ Михельсон Иван Иванович – участник Семилетней войны (1756–1763 гг.), русско-турецкой войны 1768–1774 гг., боевых действий против польских конфедератов (1771–1772 гг.). В чине генерала от кавалерии командовал башкирскими полками во время русско-шведской войны 1788–1790 гг.

этому подполковнику выпала честь снискать славу «сокрушителя Пугачева». На реке Сим Салават-батыр преградил ему путь, чтобы дать возможность вождю восстания оторваться от преследования, организованного Фрейманом и Деколонгом. Пушкин пишет: «Михельсон (...) продолжал путь, не смотря на всевозможные препятствия, и 5 мая у Симского завода настиг толпу башкирцев, предводительствуемых *свирепым Салаватом...*»¹ Состоялась стычка, не принесшая никакого результата. Пугачевский полковник пропустил екатерининского полковника к Саткинскому заводу, а сам вернулся к Симскому заводу.

Далее произошло то, что вменяли в вину Салавату следственные органы, а потом некоторые авторы, а именно расправа над заводскими крестьянами. Михельсон докладывал новому главнокомандующему генерал-поручику Ф. Ф. Щербатову, что Салават, объявив награду в 300 рублей «за поимку меня, пошел на Симский завод, которые весь выжег, а жителей умертвил, по известиям, 102 человека; некоторых из явившихся ко мне иноверцев вешал, а других вновь к себе склонил...»². Сразу заметим, что данная акция не имела антирусского характера, как она была представлена в некоторых дореволюционных и современных публикациях. Как видно из рапорта Михельсона, башкирский предводитель казнил не только заводских мужиков, но и «иноверцев», т. е. башкир, явившихся с изъявлением покорности к царскому офицеру, а в его отряде, кроме башкир и мишарей, служили русские крестьяне и казаки. В чем же причина столь сурового наказания жителей Симского завода? В 1775 г. Салават на допросе показывал: «Пугачев прислал на имя отца моего и мое, да и протчих, письменное повеление с тем, чтобы нам все заводы выжечь (...). Почему, собрався мы с протчими начальниками, более тысячи человек, наперед Симской завод и сожгли, и противящихся крестьян перекололи до смерти (...), а оставшихся за убивством крестьян отослали в деревню заводскую Ерал»³.

Как видим, часть крестьян завода оказала воинам Салавата сопротивление, за что и поплатилась. Если бы башкиры ставили иные цели, чем исполнение приказа «царя Петра Федоровича», то вряд ли бы они пощадили оставшихся заводчан, коих непосредственно перед началом Пугачевщины насчитывалось 905 душ мужского пола⁴. Следовательно, всего на Симском заводе проживало около 2 тыс. чел., большая часть из которых была выведена повстанцами в безопасное место. Сам же завод был беспощадно уничтожен.

¹ Пушкин А. С. *История Пугачева*. С. 55.

² *Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии*. С. 168.

³ *Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии*. С. 318.

⁴ Гудков Г. Ф., Гудкова З. И. *Из истории южноуральских горных заводов XVIII–XIX веков. Историко-краеведческие очерки. Ч. I. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1985. С. 159.*

Нельзя забывать, что он был построен обманным путем заводчиком Твердышевым на земле башкир Шайтан-Кудейской волости. Ни Салават, ни Пугачев при всем желании не смогли бы удержать порыв вотчинников-кудейцев, направленный на восстановление попорченной справедливости, как они ее понимали. Самозванный царь, по всей видимости, лишь санкционировал то, что неизбежно должно было произойти. Башкирское сказание «Юлай и Салават», записанное в начале XX в. фольклористом М. Бурангуловым, сквозь сказочный налет излагает схожую версию событий:

И вот видит [Салават]: боярский люд

Бьет и рубит, в щепочку рвет

Лес на берегу Сим-реки!

Запретил Салават им рубить;

Стали они его бить и бранить,

Драка между ними пошла –

Затрещала чья-то башка!¹

Но все же для реконструкции личности Салавата, вернее, его образа, преломленного под определенным углом в народном сознании, лучшим источником являются материалы Руфа Игнатъева. Он записал из уст башкир уникальный артефакт фольклора, наглядно свидетельствующий не просто о народной любви, но почти о культе святого (аулия) Салавата, который сложился в XIX в. Речь идет о «Песне о батыре Салавате», которая, к сожалению, дошла до наших дней лишь в подстрочном переводе названного краеведа. Он писал: «Сюжет песни о Салавате не только в разных, но и в одной и той же местности излагается различно. Она сокращается и дополняется по произволу певца-импровизатора; другой певец бросает свой взгляд на предмет настолько своеобразный, что если записывать слово в слово импровизацию нескольких певцов, то один и тот же Салават выйдет в разных картинах, за исключением, впрочем, сущности: что это был батыр, посланник Аллаха и патриот, вроде какого-нибудь Кази-Мулы или Шамиля»².

Сокрушил я вражескую свору –

¹ Юлай и Салават / Пер. с баш. Г. Шафикова // Башкирское народное творчество. Т. 10: Исторический эпос. Уфа: Китап, 1999. С. 297.

² Игнатъев Р. Г. Песня о батыре Салавате // Башкирия в русской литературе в шести томах. Т. II. С. 278-279. Кази-Мулла – это Гази-Магомед, первый имам Дагестана и Чечни, предводитель горцев в 1828–1832 гг. в борьбе против Российской империи. Шамиль – третий имам Дагестана и Чечни в 1840–1859 гг., национальный герой народов Кавказа.

*Триста их напало на меня.
Но побил я их в степном просторе,
Яростью неистовой горя.
Вынес меня конь на поле битвы
К полевому светлomu ручью.
Там Аллаху я вознес молитву
И хвалу коню вознес, мечу¹.*

8 мая близ деревни Усть-Канды подполковник Михельсон вновь столкнулся с отрядом Салавата, у которого было полторы тысячи воинов и 8 пушек. Михельсон сообщал в рапорте: «Приблизась к ним, оне, начав стрельбу, прямо кинулись на моих передовых. Я, построившись в линию, приказал господам майорам Харину и Тютчеву ударить на левое, а сам ударил на правое злодейское крыло. Злодеи, не уважая нашу атаку, прямо пошли к нам навстречу, однако, помощью божьей, по немалом от них супротивлении были обращены в бег...»² Еще в марте при освобождении Уфы И. И. Михельсон удивлялся ожесточенному супротивлению башкир, «...в коих, – по словам царского офицера, – злость и жестокосердие с такою яростью вкоренилось, что редкий живой в полон отдавался, а которые и были захвачены, то некоторые вынимали ножи и резали людей»³. Вскоре Михельсону вновь пришлось убедиться в справедливости своих прежних оценок.

¹ Битва // Шафиков Г. Г. *Формула Канта*. С. 208–209.

² *Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии*. С. 140.

³ *Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии*. С. 115.

Подполковник И. И. Михельсон

Пытаясь настигнуть Пугачева, он шел на восток. 17 мая в верховьях Яика состоялось очередное сражение с башкирами, о котором он докладывал Ф. Ф. Щербатову следующее: «Злодеи, будучи вооружены, по большей части в латах, сделанных из заводской жести и в кольчугах, бросились ко мне с великим бешенством (...). Злодеи, не дождав меня, на авангард мой бросились, однако в самое то время я ко оному подоспел, и, сколько злодеи не старались усилиться, были опрокинуты, потеряв на месте и вдогонку человек до трехсот, в числе коих четырех их начальников: их главный предводитель, Барын-Табынской волости старшина Биктемир...»¹ Такого бешеного сопротивления Михельсон не ожидал. «Живых я злодеев едва мог получить два человека из забежавших в озеро; каждый из сих варваров кричал, что лучше хочет умереть, нежели сдаться. Я не могу понять причину жестокосердия сих народов!»² – в «сердцах» восклицает потрясенный Михельсон.

Тем временем собравшийся с силами после сокрушительных поражений в Исетской провинции Пугачев подошел к деревне Киги, где его уже ожидал Салават Юлаев. Впоследствии «царь» так описывал их встречу: «...пришел он в башкирские селения, где нашол стоящих на конях башкирцев до трех тысяч человек. И из оных, увидя

¹ Биктемир Уразаев – башкирский старшина Барын-Табынской волости. По всей видимости, он был сыном Уразая Абзанова – активного участника башкирского восстания 1737–1739 гг., приговоренного В. Н. Татищевым к смертной казни. По приказу Пугачева он отделился от Главной армии для того, чтобы преградить дорогу приближающемуся отряду И. И. Михельсона. Однако в жестоком сражении 17 мая 1774 г. погиб.

² Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 154.

идущую его толпу, старшина Салават, подъехав к нему, Емельке, сказал: “Это стоит наше башкирское войско, и мы дожидались ваше величество, а нас-де старшин здесь трое”. И он, Емелька, сказал: “Благодарствую. Послужите мне!”»¹

3 и 5 июня 1774 г. Салават и Пугачев дали два сражения Михельсону. Существуют три оценки исхода этих боев. Первая – точка зрения Михельсона, согласно которой Пугачев и Салават были разбиты. Вторая – версия Салавата, изложенная в письме к полевым командирам Буляку Якупову², Аладдину Бектуганову³, Арслану Урангулову⁴, звучит так: «...мы, встретив известный вам гусарский полк, дали два сражения; многих и многих их людей мы побили, лишь немногие из них спаслись бегством. Теперь вы, слушая распоряжение отправленных туда командиров, большой твердостью собирая команды, без каких-либо колебаний принимайте меры для сопротивления наступающим врагам. Так приказывающий: главный полковник Салават Юлаев сын»⁵. Третья версия, по-видимому, самая близкая к истине, – версия самого Пугачева, высказанная им уже во время следствия: «Ни Михельсон его не разбил, ни он, Емелька, Михельсону вреда не зделал, и разошлись...»⁶ Тем не менее тактическая победа была на стороне повстанцев, ведь не они, а Михельсон прервал многодневный поединок. Его корпус, потрепанный в предыдущих сражениях (7 сражений за месяц, в 5-ти из которых участвовали джигиты Салавата), нуждался в пополнении и снабжении, и он отдал приказ об отступлении обратно в Уфу. Салават предлагал Пугачеву напасть на Уфу. Но, «государь Петр Федорович», памятуя храбрость Михельсона, поостерегся идти вслед за ним к центру Уфимской провинции.

¹ Там же. С. 383–384.

² Буляк Якубов – башкирский старшина улуса Су-Унлар. Жил в ауле Якупово нынешнего Караидельского района РБ.

³ Аладдин Бектуганов (1706–1774 гг.) – башкирский старшина Кыр-Таныпской волости Кайпановой тюбы. Жил в ауле Кайпан нынешнего Татышлинского района РБ. Повстанческий атаман. В 1774 г. сражался под Бирском и участвовал во взятии города. Захвачен в плен командой старшины Иректинской волости Шарипа Кишкова. В Казанской секретной комиссии наказан плетью, отрезано оба уха. Умер в Казанском остроге. В 1798 г. старшиной I башкирского кантона служил некий Аладинов, его вероятный сын.

⁴ Арслан Урангулов, башкирский сотник Таныпской волости. Жил в ауле Кизгазы нынешнего Аскинского района РБ. Повстанческий полковник.

⁵ Воззвание и переписка вожжаков Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М. А. Усманов, С. Х. Алишев, И. А. Гилязов, Ф. М. Хисамов. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1988. С. 132.

⁶ Цит. по: Таймасов С. У. Восстание 1773–1774 гг. в Башкортостане. Уфа: Китап, 2000. С. 123.

Салават-батыр.
Рис. Д. Ю. Валиуллина

Именно после этих сражений Пугачев повысил Салавата в звании, произведя его в бригадиры, т. е. бригадные генералы, а Юлая Азналина «для лутчего в народе разбирательства и учредил (...) над всеми в нашей стороне обитающими главным атаманом»¹. В мае 1774 г. он так же дал высокие чины ряду башкирских предводителей Исетской провинции за то, что те спасли его после серии поражений в Зауралье и собрали ему новое войско. Старшине Мякотинской (Бикатинской) волости Базаргулу Юнаеву, бывшему депутату Екатерининской Уложенной комиссии, он пожаловал звание фельдмаршала, а старшине Кара-Табынской волости Юламану Кушаеву – генерала.

Как уже говорилось, Салават был главным повстанческим предводителем на севере и северо-востоке Башкирии. Поэтому даже во время ожесточенных столкновений с отрядом Михельсона он не упускал из вида другие участки фронта. В мае 1774 г. он объявляет мобилизацию в западной части Сибирской дороги – в башкирских, а также марийских и удмуртских селениях. Так, мариец Изибай Акбаев на допросе показывал, что он в числе сотни мобилизованных «казаков» был отправлен на Уфимскую дорогу «к разведыванию о верных войсках и если об них уведают, чтобы о том дать знать бунтующему башкирцу, называющемуся брегадиром, Салавату Юлаеву»². 4 июня 1774 г. по приказу бригадира башкирские отряды, которых вели Аладдин Бектуганов, Буляк Якупов, Адиль Бигашев³, выбили из Бирска отряд майора Отто фон Дуве, а сам город сожгли. Причем, по последующим показаниям повстанцев, Салават прислал к ним в

¹ Гвоздикова И. М. Указ. соч. С. 160.

² Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 306.

³ Адиль Бигашев – рядовой башкир, отставной капрал морского флота, волостной мулла Сибирской дороги. Повстанческое звание — главный атаман.

помощь 500 башкир и казаков, несмотря на происходившие в это время сражения с Михельсоном¹.

*На коней, отважные мужи!
Пусть ведет вас в бой огонь души;
Раны тела исцелят ветра –
Бейте ненавистного врага!
Пусть вас не страшит их грозный вид –
Никогда он нас не победит!*²

После серии сражений с Михельсоном самозванный царь около недели провел в башкирских волостях, набирая новое войско. На допросе в Яицкой секретной комиссии он показывал: «И, набрав башкирцов тысяч десеть и несколько завоцких крестьян, я пашол на Красноуфимскую крепость. Во оной никакого супротивления не было. А прошед ее, встретился с кунгурскою командою. И было тут сражение...» Пугачев упоминал бой, произошедший между ним и отрядом подполковника Папава, в ходе которого последнему пришлось уступить дорогу и отойти в сторону: «Однакож, не зделав ничего, как та команда, так и я, важнаго, разошлись. Оная команда пошла в Кунгур, а я пашол на пригород Осу, сам стал в закрыти, а башкир послал наперед – тревожить город»³.

Оса являлась одной из древнейших крепостей, построенных в Башкирии. Ее оборонял сильный гарнизон. Осинский воевода Ф. Д. Пироговский сообщал: «...Приехав к пригороду Осе (...) толпа тысяч до 12 башкирцов и русских под предводительством злодейских полковников Белобородова и Салавата Юлаева обступили все жительство»⁴. Три дня шел непрерывный штурм города. На четвертый, т. е. 21 июня 1774 г., защитники капитулировали. Город был сожжен. Во время одного из приступов Салават Юлаев получил пулевое ранение в ногу, после чего он отбыл на лечение домой. Дороги «Петра III» и бесстрашного батыра разошлись навсегда.

Далее Пугачев двинулся походом к Казани. Вместе с ним пошла многочисленная башкирская конница под предводительством повстанческого генерала Юламана Кушаева, главного полковника Кинзи Арсланова, подполковника Ильчигула Иткулова⁵, участвовавшая в разорении центра Казанской губернии – города Казани. Несмотря на уход «царя» из Башкирии, оставшиеся там командиры продолжали боевые действия. На юго-

¹ *Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 306.*

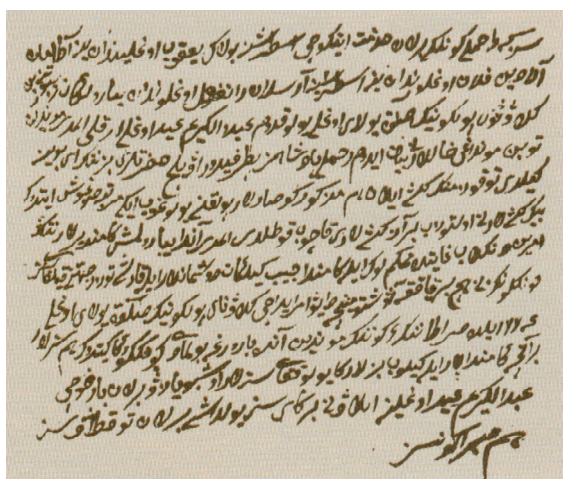
² *Вольность батыра // Шафиков Г. Г. Формула Канта. С. 207.*

³ *Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // Вопросы истории. 1966. № 4. С. 120–121.*

⁴ *Гвоздиков И. М. Указ. соч. С. 165.*

⁵ *Ильчигул Иткулов – башкирский старшина Кушчинской (Кушчинской) волости.*

западе и в центре Уфимской провинции против правительственных войск под командованием генерал-майора П. М. Голицина, полковников Шепелева, Якубовича, Хорвата и др. сражались повстанческие полковники Каранай Муратов¹ и Каскын Самаров². На юге и юго-востоке против войск генерала Фреймана, полковника В. Долгорукова, премьер-майора Шевича успешно действовали Акбулат Ракаев³, Сляусин Кинзин⁴, Кутлугильды Абдрахманов⁵, Мурад Абралов⁶, Муйнак Сулейманов⁷.

Письмо главного полковника Салавата Юлаева старшинам Араслану Урангулову и Буляку Якупову, атаману Аладдину Бектуганову о двух боях с отрядом И. И. Михельсона, 6 июня 1774 г.

На севере главной ударной силой был Салават Юлаев, который вместе с Каранаем Муратовым и Каскыном Самаровым трижды предпринимал попытки комбинированного похода на Уфу. Однако все они по ряду причин заканчивались неудачей. К осени активность повстанцев резко снижается: сказалась общая усталость, истощение людских ресурсов и хозяйственная разруха. К тому же многочисленность правительственных войск, наводнивших Башкирию, сильно ограничивала оперативные возможности повстанческих

¹ Каранай Муратов – башкирский сотник и походный старшина Бурзянской волости. Жил в ауле Каранай нынешнего Стерлибашевского района РБ.

² Каскын (Качкын) Самаров – башкирский старшина Тамъянской волости, повстанческий полковник.

³ Акбулат Ракаев – башкирский старшина Бурзянской волости. Жил в ауле Караево нынешнего Куюргазинского района РБ.

⁴ Сляусин Кинзин – сын Кинзи Арсланова.

⁵ Кутлугильды Абдрахманов – башкирский старшина Бушман-Кыпчакской волости, брат Кинзи Арсланова.

⁶ Мурад Абралов (Абталов) – башкир Бурзянской волости. Жил в ауле Тавлыкай нынешнего Баймакского района РБ. Коллежский секретарь И. Л. Тимашев характеризовал его следующим образом: «Начальнейший злодей (...), называется батырем и придаетца ему воровской титул Мурат-Кашка» (Таймасов С. У. Восстание 1773–1774 гг. в Башкортостане. Уфа: Китап, 2000. С. 290).

⁷ Муйнак Сулейманов – башкирский старшина Усерганской волости. Пугачевский полковник. Жил в ауле Муйнак нынешнего Зианчуринского района РБ.

отрядов. Все это дало основания главнокомандующему генерал-поручику Ф. Ф. Щербатову написать Екатерине II победное донесение: «Касательно Башкирии получил я, всемилостивейшая государыня, известия от оренбургского губернатора, что хотя буйность обитаемого в оной губернии свирепого народа и не уменьшается, но войски вашего императорского величества удерживают их от произведения дальнейших злодейств...»¹

8 сентября 1774 г. Пугачев был схвачен своими бывшими товарищами из числа яицких казаков и выдан властям. После этого большинство предводителей Ногайской и Казанской дорог прекратило сопротивление. В итоге основным районом борьбы становится Сибирская дорога Башкирии, где действовал Салават. В Исетской провинции вел партизанскую войну генерал Юламан Кушаев, назначенный Пугачевым «главным в Башкирии» после того, как тот вернулся из казанского похода домой². Правительство Екатерины II, стремясь к скорейшему замирению Башкирии, пошло на невиданные ранее уступки по отношению к башкирам. В частности, был разработан план легализации вчерашних полевых командиров, предусматривавший поставку ими продовольствия из Исетской провинции для голодающего Оренбурга, немногих уцелевших крепостей и заводов, находившихся внутри Башкирии в обмен на помилование. Выполнение этой задачи было поручено подполковнику и коллежскому секретарю И. Л. Тимашеву, который являясь местным заводчиком и помещиком, «совершенно знает нравы и образ мыслей башкирцов»³. Такое великодушие на фоне зверских расправ во время подавления башкирского восстания 1735–1740 гг. просто обезоруживало. Поэтому большинство вождей откликнулось на это предложение, в том числе Юлай Азналин, который в начале ноября 1774 г. явился к подполковнику И. Тимашеву и был приведен к присяге, т. е. фактически амнистирован.

¹ *Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 219.*

² *Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 320.*

³ *Таймасов С. У. Восстание 1773–1774 гг. в Башкортостане. Уфа: Китап, 2000. С. 148.*

Генерал-губернатор И. А. Рейнсдорп

Однако Салават по причине, о которой будет сказано ниже, отверг предложение императрицы и продолжил сопротивление. Оренбургский губернатор И. А. Рейнсдорп 16 апреля 1775 г., т. е. уже после поимки Салавата, сообщал генерал-прокурору Сената А. А. Вяземскому: «И что касается до Салавата, то по имеющимся здесь делам довольно известно, что он не только во время бывшего народного мятежа, но и по получении из пределов Оренбургской губернии государственного злодея Пугачева, имея послушных себе башкирцов большую толпу, даже до поимки его (т. е. Салавата. – *авт.*) воинскою командою злость свою с неудержанным злодейским стремлением продолжал, и притом многие убивства, грабежи имения, пожечи некоторых заводов и селений поделал...»¹

О каких «пожечах заводов» и «убивствах» идет речь, не совсем ясно. Разорение Симского завода и инцидент, связанный с гибелью группы заводских крестьян, случились еще в мае, т. е. до отъезда Пугачева из Башкирии, о чем было сказано выше. А при сожжении Усть-Катавского и Юрюзанского заводов во второй половине июня 1774 г. Салават вообще отсутствовал, так как именно в этот момент находился под стенами осажденной крепости Оса. Уничтожение названных двух заводов и расправу над его жителями Уфимская провинциальная канцелярия приписывали атаману Юлаю Азналину. Якобы, его воины «поехали на Юрезанский и Усть-Катавский заводы, в деревни Ерал, Орловку и Карауловку, и, собрав мужеской и женской пол в избы, сожгли огнем, а других покололи всех до единого человека»². Однако Юлай категорически отрицал обвинения в

¹ *Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 313–314.*

² *Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 315.*

убийствах заводских крестьян. На допросе в следственной комиссии он сообщал: он и другие старшины «ездили со оною толпою наперед в деревню заводскую Орловку, и потом Усть-Катавской завод сожгли. При чем и я был над всеми главным начальником, но жителей тамошних, всех до того пожегу, прежде из домов их выслали в поле, и потом отсылали в Кунгурский уезд. А никого там, собирая в избы, не сожигали и не кололи. И я такового смертного убивства никому тут не чинивал и чинить такового никому не приказывал»¹.

Слова Юлая Азналина заслуживают большего доверия, чем обвинения уфимских властей. Это следует из смысла и тональности его последующих посланий жителям соседнего Катав-Ивановского завода, изменившим делу восстания. 10 сентября 1774 г. он написал им следующее: «Мы, главный атаман Юлай сын Азналин и исполняющий обязанность бригадира главный полковник Салават сын Юлаев. Слово наше вам, приказчикам и старшинам, являющимся командирами Катавского завода. Когда ваши люди попадают к нам, мы их не убиваем, а отпускаем невредимыми. А когда наш человек попадает к вам, то вы его держите в заключении, а иных убиваете. Если бы у нас был злой умысел, мы можем больше вашего поймать и значительно больше убивать. Но мы не трогаем ваших, ибо мы не питаем к вам зла»². В письме нет даже намека на прежнее кровопролитие, которое, по мнению Уфимской провинциальной канцелярии, Юлай учинил в июне. Кроме того, он говорит о милосердном отношении башкир к горнозаводским крестьянам как общеизвестном факте, требуя от катав-ивановцев того же.

Тем не менее нельзя отрицать того, что повстанцы вне зависимости от национальности могли жестоко относиться к селениям, придерживавшимся проправительственной ориентации, поскольку командиры царских войск также не отличались гуманностью. Поэтому в приводимых далее словах М. Н. Покровского со скидкой на неизбежное в данном случае огрубление ситуации все же есть определенная доля истины: «В минуту огромного национального подъема нельзя было заставить башкира щадить русского колонизатора, не щадившего башкира в предыдущий период»³. В стихии мятежа, всколыхнувшей огромные людские массы, неизбежно происходили всевозможные эксцессы. Интересно, что «Песня о батыре Салавате», записанная Руфом Игнатьевым, не отрицает случаев грабежа со стороны повстанцев, но при этом обеляет самого Салавата: «Воины Салаватовы обогатились добычею, но сам Салават ничего не

¹ Там же. С. 317.

² *Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений / Сост. А. И. Аксенов, Р. В. Овчинников, М. Ф. Прохоров. М.: Наука, 1975. С. 256.*

³ *Покровский М. Н. Предисловие // Пугачевщина. Сб. документов. Т. 1. М.–Л.: Гос. изд-во, 1926. С. 10–11.*

брал; он требовал, чтоб его воины в точности держали закон, исполняли намаз и уразу (пост), не ели всего, воспрещенного законом, не пили вина, не заимствовали бы чужого обычая, иначе прогневанное небо погубит отступников и все дело»¹.

Несмотря на общий спад движения осенью 1774 г., Салават готовил военные операции далеко от родных мест на севере и северо-западе Башкирии. В июне он грозил смертью в случае ослушания приказчику Ангасякского завода². В начале сентября 1774 г. в окрестностях последнего Салават дает сражение отряду премьер-майора И. Г. Штерича, который охарактеризовал его как «славного наездника». 5 сентября берг-гешворен Кирхнер докладывал в Пермскую канцелярию, что «за Уфой рекой башкирец Салаватко имеет в собрании башкирцов до тысячи, да пришедших к нему тулвинских татар³ две тысячи, и нападение де хочет иметь на Ачитскую крепость, також и Кунгур...» Священник Красноуфимской крепости В. Игнатьев в тот же день описал состояние паники, охватившей ее население при известии, «что башкирцы говорят: надобно де Саранинский завод и Красноуфимскую и Ачитскую крепость выжечь и вырубить»⁴.

Однако свой план по новому вторжению в Кунгурский уезд Салавату реализовать не удалось, так как ему пришлось выдержать два сражения с отрядом подполковника И. К. Рылеева, который двигался по «Бураевской волости»⁵. 18 сентября авангардный отряд башкирского бригадира внезапно атаковал команду названного офицера, приведя его в смятение, о чем тот писал: «Дерзкий прожект столь был сделан с их злодейскими мыслями противу вверенных мне войск вреден, которых я от такого вероломного народу никогда не воображал, однако ныне видел в настоящем деле». 22 сентября у деревни Норкино⁶ отряд И. К. Рылеева вновь подвергся нападению Салавата, о чем первый сообщал следующее: «Будучи ж на марше, сего ж 22 числа повстречавшим злодеем башкирцом Салаваткою имел пружестокое сражение, у которого было злодейской толпы до трех тысяч человек»⁷. Вместе с Салаватом были Арслан Урангулов, Буляк Якупов, Абдусалам Рамзин⁸. Мишарские старшины, участвовавшие в этом сражении в составе

¹ Игнатьев Р. Г. *Песня о батыре Салавате*. С. 280.

² *Ныне с. Ангасяк Дюртюлинского района РБ.*

³ *Тулвинские татары – обычное для русских источников наименование башкир рода Гайна, живущих в бассейне реки Тулва Пермского края.*

⁴ *Пугачевщина. Сб. документов. Т. 2 / Под общей редакцией М. Н. Покровского. М.–Л.: Гос. изд-во, 1929. С. 267.*

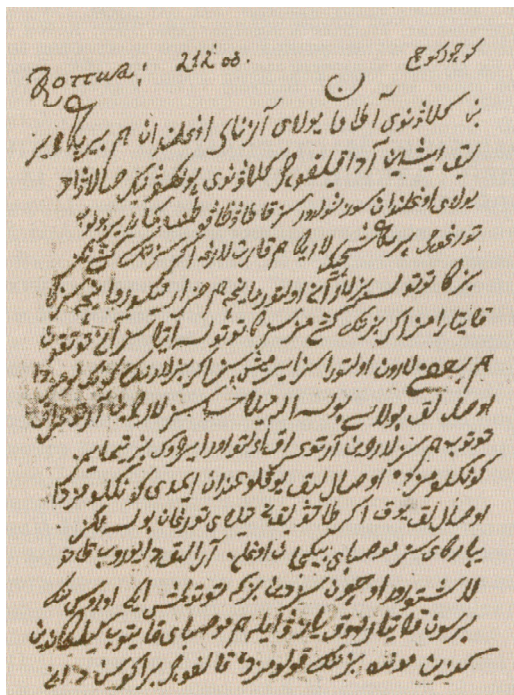
⁵ *Под Бураевской волостью И. К. Рылеев, по всей видимости, подразумевал Ельдякскую волость, самым крупным селением которой был башкирский аул Бурай, ныне центр Бураевского района РБ.*

⁶ *Норкино – деревня в Балтачевском районе РБ.*

⁷ *Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 231.*

⁸ *Абдусалам Рамзин, башкир Гайнинской волости, служил в Омске есаулом. Вместе с Салаватом продолжал сопротивление до глубокой осени 1774 г. В определении Казанской секретной комиссии записано: «Положен был на плаху, а потом наказан плетью и назначен в гусары...»*

правительственных войск получили аттестаты об их «верной и усердной службе по истреблении состоявшей под предводительством (...) Салаватки Юлаева» партии¹.

**Обращение Юлая Азналина и Салавата Юлаева
к начальникам Катав-Ивановского завода,
10 сентября 1774 г.**

Салават, отступив к Ельдякской крепости, забрал оттуда денежную казну, а затем произвел мобилизацию среди ельдякских казаков и башкир Байкинской (Унларской) волости. Собрав около 3 тыс. чел., бригадир двинулся к Катав-Ивановском заводу, последнему сохранившемуся промышленному объекту на территории Кудейской волости, и осадил его. Оттуда он рассылал свои партии во все уголки северной и северо-восточной части Башкирии, требуя людей в свое войско. Совместно с подполковником Ильчигулом Иткуловым он готовил нападение на Ачитскую крепость, чтобы захватить там пушки, а затем разорить Бисертскую и Кленовскую крепости, чтобы «впредь от Екатеринбурга командам стоять было негде»².

18 октября 1774 г. главнокомандующий карательными войсками генерал-аншеф П. И. Панин обратился к башкирам с последним ультиматумом, требуя немедленного «возвращения из своего заблуждения в усердную верность». В знак «своего истинного покаяния» они должны были «главного между башкирским народом теперь возмутителя Салаватку», поймав, выдать ближайшему командиру правительственных войск. В

¹ Гвоздикова И. М. Указ. соч. С. 174.

² Там же. С. 177.

противном случае, генерал грозил жестокой карой: «И тогда ж весь тот башкирский народ, который сему не повинуется, мужеский пол до самых младенцев будет растерзан лютейшими смертями, жены, дети и земли их все без изъятия розданы в рабство...»¹

К началу ноября 1774 г. Салават-батыр был единственным предводителем, продолжавшим активное сопротивление, поскольку даже его отец Юлай предпочел принести повинную на пока еще почетных условиях. Бегство в казахские степи, о котором Салават договорился с генералом Юламаном Кушаевым, по неизвестной причине не состоялось. Скорее всего, батыр решил испить свою чашу до дна, чем испытать унижение неизбежного казахского плена, так как печальная судьба башкирских мятежников 1755 г., пытавшихся найти приют за Яиком, была у всех в свежей памяти. Поэтому Юламан, один из главных повстанческих вождей Исетской провинции, в середине ноября также явился к подполковнику Тимашеву. Каранай Муратов, предводитель юга Башкирии, в это самое время уже ехал в Москву для лицемерия казни Пугачева. Салават остался один.

*Юрюзань, о родная река,
За народ я иду на врага!
Обнажив меч булатный, даю
Пред тобою я клятву мою:
Пусть меня изуродует кнут,
Пусть глаза мне и уши проткнут,
Пусть отрежут и нос, и язык –
Не услышат мой жалобный крик!²*

Еще 27 октября к Салавату лично от имени Екатерины II обратился начальник секретных комиссий генерал-майор П. С. Потемкин с призывом прекратить сопротивление. Невозможно представить, чтобы такой чести удостоился какой-нибудь мятежник из числа казаков, крестьян или «иностранцев» – ясачных татар, марийцев, чувашей и других. Но по отношению к башкирам подобное отношение тогда было в порядке вещей. В своем обращении царский генерал писал: «...башкирскому старшине Салавату Юлаеву. С крайним прискорбием извещаюсь я, что ты до сего времени в злобе и ослеплении погружаешься, будучи уловлен прельщением известного всем злодея, изменника и самозванца Пугачева, которой ныне со всеми главными его сообщниками пойман и содержится в тяжких оковах и примет скоро мучительную за все злодеяния

¹ *Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 242.*

² *Клятва // Бейек Салават. Великий Салават. С. 44.*

казнь. Чрез рассеянные манифесты известно тебе, коликое императорское величество, всемилостивейшая государыня, о заблуждении тебе подобных сожалеет, и с каким милосердием приемлет возвращение таковых к должности своей и повиновению богом поставленной ей власти. Ты видел уже тому довольные опыты. Но скоро затворен будет путь к ее милосердию. Скоро праведной ее гнев обратится в полной силе на изменников. И не будет тогда пощады и прощения. И для того, истинным сожалением побуждаюсь я сделать в последний раз сие увещание: покайся, познай вину свою и приди с повиновением. **Я, будучи уполномочен всемилостивейшею ее величества поверенностию, уверяю тебя, что получишь тотчас прощение.** Но если укоснеешь еще за сим вешанием, то и никакой уже пощады не ожидай»¹.

Генерал-майор П. С. Потемкин

Салават отверг предложение правительства и превратился в народную легенду – мученика за веру и чудо-богатыря. В «Песне о батыре Салавате» говорится: «Аллах велел Салавату идти против неверных и чтобы он объявил о себе народу, что пора всем правоверным соединиться, избрать себе предводителем его, Салавата, и, во всем беспрекословно слушая его, не иметь собственной воли: убитый в сражении и умерший от ран будут в раю (...). Салават в одном бою собственными руками убил более ста человек; в другой раз, один отбил от целого полка»². Сложению образа бескомпромиссного героя способствовало то, что поздней осенью 1774 г. он был единственным, кто вел эту неравную и обреченную на поражение войну. «Верный» башкирский старшина Кара-

¹ *Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 248.*

² *Игнатъев Р. Г. Песня о батыре Салавате. С. 280.*

Таныпской волости Кулый Балтачев показывал в Тайной экспедиции Сената: «Когда уже злодей Пугачев был пойман и находился под караулом, а потом все тамошние селения пришли уже в должное повиновение, то и тогда оной Салават от произведения своего злодейства не отстал, а набрав подобных себе бездельников, чинил раззорении столь громкие, что имя его, Салавата, в тамошних местах везде слышно было»¹.

20 ноября 1774 г. Салават дал свой последний бой. Как вспоминал впоследствии генерал-майор Ф. Ю. Фрейман, подполковник И. К. Рылеев, посланный им для деблокирования Катав-Ивановского завода, подвергся нападению Салавата, который, как писал в своих мемуарах названный генерал, «дерзко атаковал отряд, как только его заметил». Нападение было отражено, и правительственный «деташемент» (600 солдат, 200 казаков и «верных» башкир) перешел в контратаку: «при отходе мятежники прикрывались пушками, но были полностью разбиты»². Поражение, казалось бы, должно было образумить Салавата. По крайней мере, на это рассчитывали власти. Например, генерал-майор П. С. Потемкин 20 ноября 1774 г. докладывал Екатерине II, что в Казань доставлен «главнейший бунтовщик» Каранай Муратов и «скоро будет Салават с отцом, Ильчигул и прочие» и что по «матерним щедротам» императрицы им обещано помилование³. Подполковник и коллежский советник И. Л. Тимашев, по словам И. М. Гвоздиковой, «гордившийся тем, что выдал билеты-документы, удостоверяющие факт присяги и повиновения властям, 33 башкирским и ясачным старшинам, 12 помощникам старшин и 29 сотникам, среди которых был пугачевский генерал и 6 полковников», 22 ноября 1774 г. еще ждал его явки с повинной. Но непримиримый Салават не собирался сдаваться.

По следам батыра была отправлена 23-я легкая полевая команда⁴ во главе с подполковником Н. Я. Аршеневским, которому было предписано подавить мятеж «еще бунтовавших тогда девяти волостей под начальством (...) Салавата»⁵. Близ реки Ай к регулярному подразделению присоединился отряд мишарского старшины Муксина Абдусалямова, который в 1756 г. доставил пойманного Батыршу⁶ в Петербург, а во время

¹ *Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 307.*

² *Гвоздиковая И. М. Указ. соч. С. 179.*

³ *Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 411.*

⁴ *Легкие полевые команды были сформированы на территории Астраханской и Оренбургской губерний в 1771 г. из солдат Закамской ланд-милиции и гарнизонных полков. Каждая из них насчитывала около 550 чел. и состояла из двух мушкетерских рот, а также егерского, драгунского и артиллерийского взводов.*

⁵ *Гвоздиковая И. М. Указ. соч. С. 31.*

⁶ *Батыршах Алиев – ахун Сибирской дороги Башкирии, мишар по этнической принадлежности. Весной 1755 г. написал ряд воззваний к мусульманам края, в которых обличал политику правительства в Башкирии и призывал к джихаду. На его призывы откликнулись лишь башкиры Гайнинской волости. Восстание башкир Бурзянской и других волостей Ногайской дороги 1755 г., по всей видимости, началось вне зависимости от Батырши. В 1756 г. ахун, около года скрывавшийся от властей, был арестован мишарским старшиной Сулейманом Деваевым и выдан властям.*

Пугачевщины состоял при отряде И. И. Михельсона. Прибыв 24 ноября в Тырнаклинскую волость, Аршеневский расположился в мишарской д. Шарипово¹ на территории нынешнего Салаватского района РБ и сразу же отправил на поиски знаменитого вождя отряд поручика В. Лесковского, авангард которого составляла конница Муксина Абдусалаямова. Наконец, на следующий день, 25 ноября 1774 г., близ башкирского аула Миндишево Кудейской волости² Салават и четверо его спутников – есаул, писарь и двое рядовых башкир – были захвачены в плен. Уйти от конной погони они не могли, так как шли пешими на лыжах. Через много лет, в 1791 г., обосновывая свое право на офицерский чин, Муксин писал Екатерине II, что это он «главного злодейского наперсника – башкирца Салаватку Юлаева, поймав, представил» властям³.

Салават имел, по крайней мере, две гарантированные возможности полностью избежать наказания: в первый раз, когда большинство предводителей, в том числе его отец Юлай, явились по призыву И. Л. Тимашева и получили прощение; во второй раз – по персональному призыву генерала П. С. Потемкина от лица самой императрицы. Но все шансы им были сознательно упущены. Как показало следствие, Салават и его ближайшие соратники дали клятву, *«чтоб им до самой их погибели находиться в беспокойствии и не покоряться»*⁴. В этой клятве, в этом принципе предельной свободы и заключается разгадка личности Салавата. Судя по его действиям, он не собирался спасти свою жизнь во что бы то ни стало, так как свою идею ставил выше нее. Он представлял собой тип героя, отвергающего компромиссы и, в конечном итоге, принявшего венец мученичества.

Пугачевщина выдвинула десятки повстанческих вождей из числа башкир, не уступавших Салавату и даже превосходивших его в военной удаче и полководческом даровании. Однако народная память позабыла многих из них, оставив одного Салавата⁵. Народное сознание превратило его в праведника и шахида. В «Песне о батыре Салавате» говорится: «Салавата хранила сила божия от всякого оружия неприятельского, чтобы видели люди, что он есть истинный посланник великого Аллаха и его великого пророка». В агиографической литературе и священных текстах святые и пророки всегда находятся в оппозиции к низменной толпе, которая подвергает их избиению. Христа предает один из апостолов, в результате чего Иисус принимает мученическую смерть. Историю Салавата народ интерпретировал по этой же универсальной фабуле, что наглядно говорит в пользу сакрализации его фигуры. В «Песне о батыре Салавате» ответственность за печальную

¹ Ныне с. Шарипово Салаватского района РБ.

² Ныне д. Миндишево Салаватского района РБ.

³ Гвоздикова И. М. Указ. соч. С. 33.

⁴ Там же. С. 179.

⁵ Каранай Муратов, Кинзя Арсланов и др. стали героями локальных легенд и преданий, бытовавших в их родных местах.

судьбу «посланника великого Аллаха» перекладывается на его сподвижников: «...за неисполнение воинами Салавата закона, Аллах предал их и самого Салавата в руки неверных, которые его мучили, терзали смрадной тюрьмой, голодом и ранами: он терпел с радостью, не показав нигде малодушия, и умер в чужой стороне, за веру и народ»¹.

*Допрос Салавата (1955)
Худ. А. А. Кузнецов*

Какова же была идея, ради которой Салават добровольно стал мучеником? Архивные документы не дают прямого ответа на этот вопрос, поэтому необходимо вновь обратиться к данным фольклора. По одному из преданий, Салават, обращаясь к своим воинам, сказал: «Присоединившись к Пугачу, мы должны отомстить за всех павших жертвой в защиту Башкирии и за башкирскую свободу – за убитых у устьев Ори пять тысяч безоружных башкир, за утопленных в Нике (?) три тысячи башкир, за убитых в Мензелинске Алдара², Кельмек-абыза³, Альшайа⁴, Юлдаша⁵, Амина⁶, муллу Батыршу и за сожженные семнадцать лет тому назад башкирские селения»⁷. Идея освобождения в более

¹ *Игнатъев Р. Г. Песня о батыре Салавате. С. 280.*

² *Имеется в виду Алдар Исекеев – башкирский тархан и старшина Бурзянской волости, предводитель башкирского восстания 1704–1711 гг. Казнен в 1740 г. в Мензелинске.*

³ *Имеется в виду Кильмяк Нурушев – абыз и старшина Юрматынской волости, предводитель башкирского восстания 1735–1736 гг.*

⁴ *Предводитель по имени Альшай неизвестен. Однако Ф. Н. Нефедов пишет о народной песне, в которой упоминаются «Алиша Муазимов, поднявший башкир в 1740 году; Бахтияр, степным орлом летавший по башкирской земле, степям киргизским и становищам неверным; Казирман – гроза урусов; Абутал и другие славные батыры и герои» (См.: Нефедов Ф. Д. Указ. соч. С. 78).*

⁵ *Имеется в виду старшина Кыр-Кудейской волости Юлдаш Суярымбетов – один из предводителей башкирского восстания 1737–1739 гг.*

⁶ *Имеется в виду Амин-батыр, который, по преданиям, участвовал в убийстве 15 мая 1755 г. начальника горно-изыскательской партии Брагина, что послужило сигналом к восстанию всей Бурзянской волости.*

⁷ *Песни и сказания о Разине и Пугачеве / Вступ. статья, редакция и примечания А. Н. Лозановой. М.–Л.: Academia, 1935. С. 214.*

прозаическом оформлении выражалась в требовании возвращения незаконно отнятых башкирских земель их владельцам и восстановления прежнего полунезависимого статуса башкир, существовавшего до образования Оренбургской губернии. Яицкий казак Синельников в январе 1774 г. показывал: «Слышал он, что самозванец около заговенья, то-есть около 14 ноября, хотел было с находящимися при нем яицкими казаками, оставя стоянье под Оренбургом, всю свою сволочь и башкирцов, иттить к Яику. Но башкирцы принудили его остаться и не пустили, сказав, что ты нас уверял, что ты государь и обещал, Оренбург взяв, сделать, чтоб губернии не быть, чтоб мы были оной не подвластны. А теперь хочешь бежать и нас оставить на такую же погубу, которую за мятеж терпели отцы наши, которых казнили смертью. И так мы до того времени тебя никуда не упустим, покуда ты действительно не исполнишь своего обещания»¹.

Башкиры были наиболее сознательной и мотивированной частью Пугачевщины, чем и объясняется их массовое участие в мятеже. А среди самих башкир самым непримиримым был Салават. Это не значит, что другие предводители, пошедшие на сделку с правительством, были менее смелыми и патриотичными, ведь, включаясь в борьбу в 1773 г., они не могли предвидеть столь счастливого для них исхода в 1775-м. Их боевые заслуги были не менее, а в некоторых случаях даже более впечатляющими, чем сражения Салавата: полковник Каскын Самаров взял Стерлитамак и почти неприступный Воскресенский завод, успешно вел боевые действия против командира Изюмского гусарского полка полковника Г. И. Хорвата; главный полковник Каранай Муратов захватил Бирск, ряд сел и крепостей на западе Башкирии, затем сражался с командиром Петербургского карабинерного полка полковником П. А. Шепелевым, а в одном из сражений обратил в бегство небезызвестного подполковника И. К. Рылеева; генерал Юламан Кушаев был предводителем башкирской конницы при штурме и сожжении Казани. Умудренные жизненным и боевым опытом², они прекрасно осознавали, что осенью 1774 г. башкирское восстание достигло предела своих возможностей и, по большому счету, своих целей: почти все горные заводы и крепости внутри Башкирии лежали в руинах. Поэтому они предпочли воспользоваться представившейся возможностью уйти от наказания, а Салават, как говорится, «пошел на принцип».

Что стало настоящей причиной столь мягкого отношения правительства к башкирским повстанцам? За кулисами побед скрывалась невидимая борьба, сыгравшая положительную роль в судьбе мятежников. Вопрос о Пугачевщине стал яблоком раздора

¹ Пугачевщина. Т. 2. Из следственных документов и официальной переписки / Сост. С. А. Голубцовым. М.–Л., 1929. С. 415–416.

² Каранай Муратов был участником башкирского восстания 1755 г. Каскын Самаров был участником Польского похода 1771–1773 гг. Юламан Кушаев имел 25-летний стаж пограничной службы.

между двумя придворными партиями, во главе одной из которых стояли фавориты Екатерины: сначала братья Орловы, а теперь князь Григорий Потемкин. Из участников подавления Пугачевщины здесь был начальник секретных комиссий генерал-майор П. С. Потемкин, троюродный брат Г. Потемкина, и большинство немцев: Рейнсдорп, Фрейман, фон-Брандт, Корф, Михельсон и другие, т. е. лица, не имевшие корней в родовитом дворянстве. Этой партии фаворитов и иностранцев противостояла партия, условно говоря, русских аристократов, которую возглавлял канцлер Никита Панин, вокруг которого сгруппировалась старая русская знать и просто неродовитые службисты. Их поддерживал цесаревич Павел Петрович, известный оппозиционностью к своей матери Екатерине II. Из генералов, участвовавших в подавлении Пугачевщины, здесь были брат канцлера генерал-аншеф Петр Панин, генерал-майор Петр Голицин, а также генерал-поручик Александр Суворов.

Генерал-аншеф П. И. Панин

«Аристократы» были за самое тщательное расследование, а затем жестокое наказание всех государственных преступников. Их дотошность подпитывалась разоблачительным зудом, желанием вывести на чистую воду все реальные и мнимые прегрешения режима и лично Екатерины, чье восшествие на престол путем убийства законного императора Петра III они считали не совсем законным. Напротив, партия фаворитов, как естественная опора Екатерины II, не хотела выносить сор из избы, не желала усугублять душевных переживаний царицы, удрученной массовым восстанием своих подданных во имя мнимого императора Петра Федоровича. Поэтому фавориты и

Екатерина старались как можно быстрее закрыть это неприятное дело. Следствием этого стало возникновение названного выше плана по легализации башкирских предводителей.

Между генералами и офицерами этих двух партий развернулась настоящая охота за головами наиболее знаменитых мятежников. 15 сентября 1774 г. схваченный казаками Пугачев был привезен в Яицкий городок, где его принял чиновник секретной комиссии капитан Маврин, прямой подчиненный генерала П. С. Потемкина. Последний, естественно, приказал доставить самозванца к нему лично в Казань. Однако шедший неподалеку генерал-поручик А. В. Суворов, вызванный с турецкого фронта, перехватил чужую добычу и доставил ее в Симбирск своему непосредственному начальнику генерал-аншефу П. И. Панину. По этому поводу П. С. Потемкин же с сожалением писал: «С сожалением усмотрел я, что Пугачев взят из рук наших». Далее П. И. Панин попытался представить дело в ином свете, приписав честь поимки знаменитого мятежника А. В. Суворову, причем последний нисколько не сопротивлялся этому. П. С. Потемкин писал Екатерине: «Всего горше, всемилостивейшая государыня, что при самом первом свидании господина генерал-поручика и моего, его сиятельство граф Панин удостоил пред целым народом изъянить благодарность господину Суворову, священным именем вашего величества и всей империи, яко Суворов поймал злодея Пугачева, с такою холодностью ко мне изъявляемая, что не трудно было видеть в нем внутреннюю ко мне досаду. Может быть сие происходит от того, что я не скрыл от его сиятельства каким образом в самом деле злодей был пойман, а господин Суворов не устыдился при всех зрителях целовать шесть раз в руки и в полы своего одобрителя...»¹

Павел Рунич, будущий сенатор, а в 1774 г. еще просто майор, ставший свидетелем этой сцены, впоследствии писал, что при «этом генерал-майор Потемкин с особою скромностью слушал сии похвалы, а при том смотрел на поклоны генерал-поручика Суворова с неким недоумением и тайной улыбкой»². Павел Потемкин жаловался Екатерине: «...я не осмелюсь, всемилостивейшая государыня, всеконечно никогда произнести того, что много участвовал в поимке злодея, но как истине не заграждает уст премудрое правление ваше, то осмелюсь сказать, что имел более участия нежели господин Суворов...» По получении этого послания Екатерина II отписала своему фавориту Григорию Потемкину: «Голубчик, Павел прав, Суворов тут участия более не имел, как Томас³, а приехал по окончании драк и по поимке злодея». После этой истории на роль официального «сокрушителя» Пугачева ею был выдвинут подполковник И. И. Михельсон:

¹ Цит. по: Таймасов С. У. Восстание 1773–1774 гг. в Башкортостане. Уфа: Китап, 2000. С. 163.

² Там же.

³ Томас – комнатная собачка Екатерины II.

«Михельсону обязана поимкою Пугачева, который едва было не забрался в Москву, а может быть и далее»¹. Данное обстоятельство также сыграло определенную роль в «канонизации» Салавата, поскольку он, как боевой противник Михельсона, сразу же попал в поле зрения А. С. Пушкина и последующих авторов.

Если в верхах шла борьба за голову Пугачева, то среди офицерства – за головы его сподвижников. Впрочем, и генералы были не прочь сделать себе имя на поимке наиболее знаменитых башкирских вождей. Главная охота развернулась за Салаватом, Кинзей и Каранаем. Но в сентябре-октябре 1774 г. Салават еще продолжал сопротивление, а Кинзя пропал без вести, поэтому в активе оставался лишь Каранай. Его то и потребовал доставить к себе в Казань генерал-майор П. С. Потемкин. Полковник Шепелев, имевший с Каранаем личные счеты за унижительное сидение в осажденном Стерлитамаке, мечтал первым исполнить генеральский приказ. 15 октября 1774 г. Тимашев писал Рейнсдорпу, что полковник Шепелев просил его «известного вора и начальника возмущения башкирца Каранайку показывая за ним важную надобность схватить и к нему доставить». Однако Тимашев не спешил исполнять его указания, ибо вел собственную игру. Для начала он решил добиться санкции высокого начальства на самостоятельное ведение дела: «...если удастся мне ево Каранайку изловить или другим способом достать, то не позволите ль ваше высокопревосходительство взять мне его под видом надобности с собой...» Получив согласие Рейнсдорпа, Тимашев отправил Караная в Казань под видом курьера, везущего депешу П. С. Потемкину. Путь его был окольным: он лежал через Челябинск, Екатеринбург и Кунгур, т. е. проходил в обход Башкирии, так как, по словам Тимашева, «здесь единомышленников их большая часть»².

Как видим, Тимашев считал, что, во-первых, появление Караная в Башкирии может спровоцировать новое возмущение среди его сторонников. А, во-вторых, опасался, что знаменитого бунтовщика перехватит полковник Шепелев, стоявший в это время на тракте Уфа-Оренбург. Тимашев предлагал Потемкину два варианта решения его судьбы: «Ежели оной по рассмотрению вашего превосходительства достоин милости ея величества, то может, возвратясь, утверждение сделать в своем буйственном народе. Буде ж заслужил наказание, – состоит во власти вашего превосходительства»³. 12 ноября 1774 г., когда Каранай уже был на пути в Казань, П. С. Потемкин в рапорте П. И. Панину соврал, что его подопечный умер: «Я уповаю, милостивый государь, что буду все иметь в руках, а равным образом славного Кинзю и Салавата, Каранайка умер, а Канзафара, слышал, что уже

¹ Лопатин В. Суворов (Жизнь замечательных людей). М.: «Молодая гвардия», 2012. С. 70.

² Крестьянская война 1773-1775 гг. на территории Башкирии. С. 247.

³ Там же. С. 259.

поймали...»¹ Этот факт наводит на мысль, что Потемкин хотел, чтобы Каранай смог беспрепятственно добраться до пункта назначения, а это значит, что Панин сам был не прочь схватить знаменитого бунтовщика и приписать заслугу его поимки себе и своим людям, как он это сделал в случае с Пугачевым. Но Потемкин уже был научен горьким опытом, и Каранай 20 ноября 1774 г. благополучно прибыл в Казань, о чем генерал тут же доложил Екатерине: «...в Казань доставлен главнейший бунтовщик Каранай Муратов и также скоро будет Салават с отцом...»²

Восемь дней Каранай-батыр пребывал в Казанском остроге. Он не знал, что в дни казанского заточения Салават уже был пойман. Здесь он увидел многих своих бывших соратников. Всего к Потемкину в Казань явилось более 200 старшин. Они были допрошены, приведены к присяге, а затем, получив документы о прощении, были отпущены по домам, ибо ни Екатерина, ни Потемкин не собирались их наказывать. Однако Караная не отпускали. Наконец, 28 ноября все открылось: ему было приказано отправиться в Москву, и опять же не в качестве колодника: теперь под видом одного из конвоиров трех преступников, шедших по этапу в Москву. О причинах отправки Караная в первопрестольную Потемкин доложил самой Екатерине: «...привезен сей Каранай был в Москву, во-первых, для того, чтоб видел под стражей и в узах того, коего идолом они представляли, а потом бы и казни был мнимого идола своего, злодея Пугачева, очевидным свидетелем...»³ 10 января 1775 г. в Москве на Болотной площади состоялась казнь Пугачева и его сообщников, при исполнении которой присутствовал Каранай Муратов. По замыслу властей, башкирский народ для большей убедительности должен был узнать о смерти Пугачева из уст одного из самых авторитетных его соратников. После лицезрения казни Каранай был отпущен домой.

Таким образом, соперничество двух придворных партий сыграло благоую роль в судьбе большинства башкирских предводителей, кроме Салавата, который не принес повинную, а был, как тогда говорилось, «взят с бою», т. е. попал в плен, оказывая сопротивление. Именно это обстоятельство окончательно определило его судьбу. Сразу же после пленения Салават подвергся череде мучительных истязаний. Он был бит батогами на первом же допросе в расположении отряда полковника Н. Я. Аршеневского. Затем он побывал в застенках казанской секретной комиссии, а потом передан в Тайную экспедицию Сената известному мастеру «запечных дел» С. И. Шешковскому. Окончательное наказание ему определила Уфимская провинциальная канцелярия: по 25

¹ Там же. С. 262.

² Там же. С. 411.

³ Крестьянская война 1773-1775 гг. на территории Башкирии. С. 274.

ударов кнутом в селениях, связанных с его боевой деятельностью: в Симском заводе, Кунгуре, Осе, Красноуфимске, деревнях Норкино, Лак и Юлаево (всего – 175 ударов), вырывание ноздрей, и клеймение на лбу и щеках штемпельных знаков «З», «Б», «И», т. е. «злодей», «бунтовщик», «изменник».

Однако истязания не сломили духа героя. На протяжении всего следствия он твердо стоял на своем: «нарочито никому я, окромя что на сражениях, смертного убийства не чинивал и никого не вешивал»¹. Р. Г. Игнатъев писал: «Пытки, наказания кнутом и ссылка придали Салавату эпитет мученика»². Свой ореол мученика Салават приобрел благодаря общественному мнению, считавшему его святым человеком, который добровольно пожертвовал собой ради всего народа. «Песня про славного батыра Салавата – песня самая грустная и для того, кто ее поет, и для того, кто слушает. Кажется, если бы кто умел все рассказать, как этого достоин Салават, то заплакали бы и небо и земля, леса и реки стали бы издавать стоны. Плачь человек, если у тебя есть сердце и запас слез, кто бы ты ни был: верный или неверный! Салават был грамотен и изучал закон многие годы; был храбр и благочестив; любил верный народ и очень соболезновал, когда видел, что народу приходится худо...»³

Можно ли назвать его полководцем в полном смысле этого слова? Народные песни рисуют Салавата великим полководцем и богатырем, тысячами уничтожающим противника. Вопреки им, потери Салавата и его людей значительно превосходили потери правительственных войск. Так можно ли его считать великим полководцем, как это пишется во многих исследованиях и говорится в официальных речах? Однозначного ответа на этот вопрос нет, ибо критерии оценки весьма относительны. В битве под Нарвой шведский король Карл XII, уступая русскому царю Петру I пятикратно – 8 тыс. шведов против 40 тыс. русских, сумел разгромить противника. Причина победы заключалась не только в полководческом даре Карла, но и в прекрасной выучке шведских солдат: один швед стоил пятерых русских. Поражение не отменяет храбрости русских солдат, уступавших шведам тактически, но не силой воинского духа. Эта коллизия хорошо была описана Наполеоном под впечатлением его египетского похода. Он следующим образом описывает бой малоискусной в верховой езде, но дисциплинированной французской кавалерии с мамлюками, в то время лучшей в единоборстве, но недисциплинированной конницей: «Два мамлюка безусловно превосходили трех французов; 100 мамлюков были

¹ Там же. С. 319-320.

² Игнатъев Р. Г. Песня о батыре Салавате. С. 279.

³ Там же. С. 280.

равны по силе 100 французам; 300 французов обычно одерживали верх над 300 мамлюками, а 1 000 французов всегда побивали 1 500 мамлюков...»¹

Нечто похожее происходило и на фронтах Пугачевщины. Казаки и башкиры были отличными мастерами партизанской войны и в личном плане не уступали солдатам правительственной армии. Однако в массовых сражениях они ничего не могли противопоставить слаженным действиям подразделений регулярной армии, руководимым царскими офицерами и генералами, владевшими тактикой современного боя. Именно этим объясняются многочисленные поражения пугачевцев. Они не могли не проиграть, так как в открытом бою любая регулярная армия всегда одержит победу над любой нерегулярной. Если над кавалерией противника – гусарами и уланами – башкирская конница часто одерживала победы, то против пехоты, построенной в каре, три шеренги которой, сменяя друг друга, непрерывно производили ружейные залпы, устоять было невозможно.

Тем не менее полководческий дар Салавата Юлаева вне всякого сомнения: его атаки поражали дерзостью замысла искушенных в войне офицеров. В сражениях 3 и 5 июня 1774 г., заставивших Михельсона отступить к Уфе, главная заслуга принадлежит именно Салавату Юлаеву. Однако ставить на одну доску партизана, командира нерегулярной конницы, с боевыми генералами русской регулярной армии – в то время сильнейшей в мире – просто некорректно. Это все равно, что ставить на ринг двух чемпионов мира по боксу, но в разной весовой категории.

Старшина Кулый Балтачев
Рис. Д. Ю. Валиуллина

¹ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М.: Госполитиздат, 1950. С. 121.

Как любая гражданская война, Пугачевщина расколола общество на враждующие лагеря. Хотя большинство башкир было на стороне восстания, среди них были и его противники, пусть и немногочисленные. Больше всех проявили себя в борьбе с повстанцами старшина Кара-Таныпской (Кара-Табынской) волости Кулый Балтачев и старшина Иректинской волости Шарип Кииков. Их позиция была обусловлена не трусостью или раболепием перед властью предрежащей, а твердым убеждением в правоте своих действий и преданностью монархии. Кулый Балтачев был суровым воином, водившим башкирский корпус в Польский поход 1771-1773 гг. и не раз рисковавшим своей жизнью. Находясь в окружении бунтующих соплеменников, оба они не поддались общей стихии мятежа и сохранили верность престолу даже тогда, когда это грозило им полным разорением и гибелью.

Неслучайно, существовала альтернативная версия историй о Салавате, отражавшая мнение именно этой немногочисленной группы башкирской знати. Ее зафиксировал русский писатель М. В. Лоссиевский¹ в своем очерке «Пугачевский бригадир Салават и Фариза». Данная традиция изображала Салавата жестоким варваром, похитившим дочь Кулыя Балтачева – прекрасную Фаризу и державшим ее в пещере². Однако такой угол зрения на фигуру героя и события Пугачевщины все же был маргинальным. Даже потомки «верных» старшин не разделяли выбора своих прадедов. ‘Арифуллах Кииков (1861-1918), сын башкирского поэта и суфийского шейха Мухаммеда-‘Али Чукури, написал следующие строки, посвященные сабле своего предка Шарифа Киикова:

Эй, мөбәрәк кылыс!

Нисә баштарзы кыйзың?

Атланып, айгырзар акыртып,

Нисә башкортто һуйзың?

Эй, дорогая сабля!

Сколько голов поносила?

Поднимая в бой скакунов,

¹ Лоссиевский Михаил Владимирович (1850–1884) – уфимский журналист и действительный член Уфимского губернского Статистического комитета, публиковавший свои работы в газетах «Уфимские губернские ведомости» и «Оренбургский листок». Он интересовался легендарным прошлым, фольклором, этнографией и бытом башкирского народа.

² Лоссиевский М. В. Пугачевский бригадир и Фариза // Башкирия в русской литературе в шести томах. Т. II. С. 303–308.

*Сколько башкир порубила?*¹

Культ Салавата, вопреки мнению некоторых авторов о социальном заказе советских идеологов, сложился еще в XIX в. Несмотря на то, что Салават был далеко не самым выдающимся не только в плеяде вождей прежних башкирских восстаний, но даже Пугачевщины, башкирский народ почему-то именно его сделал своим национальным героем. М. В. Лоссиевский свидетельствовал: «Пытки, наказание кнутом и ссылка окружили Салавата в глазах народа ореолом мученика, пострадавшего за великое святое дело – за религию и свободу своих соплеменников. И до сих пор ни один весенний башкирский праздник, или зеин, не обходится без того, чтобы бродячие башкирские певцы, преимущественно слепцы и байгуши, т. е. нищие, не воспевали подвигов народного героя-мученика»².

***Памятник Салавату Юлаеву в г. Уфе
Скульптор С. Д. Тавасиев
Фото С. В. Щелчкова***

Писатель Мамин-Сибиряк на основе личных наблюдений, почерпнутых во время своего уральского детства, во многих своих рассказах и повестях отмечает погруженность башкир в свое героическое прошлое. Образ нищего сказителя-байгуша, воспевającego

¹ *Гарифулла Кейеков. Башкорт тарихы ға ыракте нәсәбе / Тәз., инеш һүз авторы, аңлатма биреүсе М. Х. Нәзәрғолов. Өфө: РФА ӨҒҮ ТТӘИ, 2001. 22-се б.*

² *Лоссиевский М. В. Указ. соч. С. 304.*

батыров прошлого, стал одним из ярчайших персонажей его творчества: «Башкиры сидели, склонив бритые головы. Плачущий речитатив невольно захватил всех. Что-то было особенное в этой картине, точно в самом воздухе реяли незримые тени посаженных на кол башкирских старшин, повешенных и изувеченных. Народная песня, как любящая мать, вспоминала погибших своих детей, а байгуш Надыр долго лежал, припав к земле (...). Потом байгуш Надыр пел о Кучумовичах, о старом Сеите, об Алдарбае и Салавате. Он сам увлекался пением и входил в экстаз...»¹

Таким образом, высокий моральный дух, яркий поэтический дар, искусство воина и, наконец, ореол мученика, который один пострадал за весь народ, превратили Салавата в героя народных песен и былин еще при его жизни. Позднее он стал олицетворением всех вождей башкирских восстаний. В его образе слились забытые под толщей времени другие герои башкирского народа: Сары-Мерген, Сейид Джа‘фар, Алдар, Кучум, Кильмяк, Карасакал. Салават стал символом многовековой борьбы башкирского народа за свою свободу. Он стал национальным героем Башкортостана.

Проведя 25 лет на каторге в балтийском порту Рогервик, Салават Юлаев умер 26 сентября 1800 г. Последними строками поэта-воина, приписываемыми ему, было стихотворение «Я не умер, башкиры!»²:

*Ты далеко, Отчизна моя!
Я б вернулся в родные края,
В кандалах я, башкиры!*

*Мне пути заметают снега,
Но весною растают снега,
Я не умер, башкиры!*

Опубликовано: История башкирских родов. Кудей, Мурзала, Каратавлы. Том 23 / С. И. Хамидуллин, Б. А. Азнабаев, И. Р. Сайтбатгалов, Р. Р. Шайхеев, Р. Р. Асылгужин, В. Г. Волков, А. А. Каримов, А. М. Зайнуллин, Р. М. Сагидуллин – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН; КИТАП, 2017. С.147-179.

¹ Мамин-Сибиряк Д. Н. Горная ночь // Башкирия в русской литературе в шести томах. Т. II. С. 227.

² Я не умер, башкиры! // Бөйөк Салават. Великий Салават. С. 44.